

УДК 343.97

**ТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.
ОТВЕТ ПРОФЕССОРА С. Г. ОЛЬКОВА АДОЛЬФУ КЕТЛЕ**

Олькова О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

«Небываемое бывает».¹

Цель статьи – исследовать предсовременные и современные подходы к измерению латентной преступности в России и мире; представить критический обзор научных исследований латентной преступности крупными научными коллективами, исследовавшими латентную преступность в начале 21 века в РФ; показать роль и значение в исследовании латентной преступности мультипликатора латентности и основного криминологического тождества, разработанных проф. С. Г. Ольковым.

Ключевые слова: точная юриспруденция, криминология, латентная преступность, мультипликатор латентности, основное криминологическое тождество, осужденные, зарегистрированные преступления, латентные преступления, валовое число преступлений, фактическая преступность, коэффициент преступности, коэффициент криминогенной пораженности.

Точное измерение латентной преступности несбыточная мечта и *petra scandali*² не одного поколения криминологов во всем мире.

Одним из важнейших показателей качества жизни, ее безопасности в любом обществе является уровень преступности. Адекватная оценка уровня жизни в обществе невозможна без адекватного оценивания уровня преступности. Не говоря уже о выстраивании уголовной политики в государстве, о формировании кадрового состава в правоохранительной системе (количественно и качественно), планировании материальных, административных и временных ресурсов, необходимых для борьбы с преступностью. Не зная реального положения дел с преступностью, ее реальных масштабов – невозможно осуществлять эффективные меры по ее сдерживанию и борьбе с ней.

Глядя на преступность, словно в перевернутый бинокль, можно говорить о ее низком уровне, регулярном снижении, и в качестве «адекватной» реакции – проводить очередную волну «оптимизаций» и сокращать численность сотрудников правоохранительной системы. А потом в результате иметь, то, что имеем...

Почему то, прежде чем построить какое-либо здание, мы обязательно проведем инженерно-геологическое изыскание земельного участка, а уже потом на основе результатов исследования, будем принимать решение о постройке, количестве этажей, расположении застройки и т.д. Мы прекрасно понимаем, что без прохождения этого обязательного предварительного этапа, мы рискуем получить здание непригодное к эксплуатации или вовсе полное разрушение нашей постройки.

Но, почему то, при «строительстве здания социальной и политической жизни» мы уверены, что справимся и так, на глазок – без каких-либо предварительных исследований. – «А давайте сократим штат МВД?» – «А давайте!» – «А зачем?» – «А просто так...». А то что объем работы не сократился (преступлений меньше не стало) – так это не важно.

В настоящее время статистическая наука находится на достаточно высоком уровне развития, что позволяет собирать количественный материал, открывающий

¹ Надпись на медали в честь первой победы русского флота на Балтике в 1703 году. Монеты и медали Петровского времени. Л., 1974. С. 27–28.

² Лат. Камень преткновения.

широкие исследовательские возможности для криминолога. И что бы ни говорили про «ложь, большую ложь и статистику», а факт остается фактом – зарегистрированная преступность является выборочной совокупностью, причем, весьма репрезентативной. И никакие пикировки, пусть даже стилистически очень удачные, не в состоянии отменить выборочный метод, как самый распространенный в статистической практике, и не менее удачно применяющийся. В поддержку приведем высказывание известного отечественного криминолога Г.А. Аванесова: «Математическая статистика дает такое эффективное средство, как выборочный метод, на основе которого по «ограниченному» числу единиц (выборочной совокупности) можно составить точную характеристику всей массы исследуемых единиц (генеральной совокупности), в рассматриваемом случае — всей преступности (с учетом латентной). Регистрируемая преступность является, на наш взгляд, той весьма представительной выборкой, на основе которой вполне допустимо проводить исследования. Это организованная выборка. Она серьезно представляет всю генеральную совокупность — фактическую преступность» [1, с. 177].

Но, к сожалению, до недавнего времени отсутствовал инструмент измерения реального уровня преступности. Те преступления, которые попадают в статистический учет, составляют лишь часть реального числа совершаемых преступлений (в этом криминологи всего мира единодушны). А вот какую часть фактической преступности составляет латентная преступность – это правильный вопрос!

Работ, посвященных вопросу латентной преступности, существует множество. Не будем тратить время на исторический экскурс и философские рассуждения о природе латентности (и без того в российской криминологии этому уделено непомерно большое внимание).

Сосредоточим наше внимание на вопросе первостепенной важности – как максимально точно измерить уровень латентной преступности?

К решению остальных задач и рассмотрению прочих вопросов можно приступать только после решения этого главного вопроса – вопроса измерения латентной преступности!

К числу задач, решить которые становится возможным после и только после измерения уровня латентной преступности, относятся: сравнительный анализ латентной, зарегистрированной и фактической преступности; прогнозирование латентной преступности; выявление закономерностей, которым подчиняется латентность и т.д. Все эти задачи будут автоматически решаться неверно, если изначально неточно измерен уровень латентной преступности – ошибки будут расти, как снежный ком.

Поэтому, анализируя существующие подходы к определению уровня латентной преступности, мы будем обращать пристальное внимание именно на предлагаемый способ измерения уровня латентной преступности. Потому как, если этот вопрос не решен или решен неверно, то нет смысла изучать ту часть научной работы, которая построена на ложных данных.

Приступая к изучению латентной преступности, криминологи очень любят начинать свои работы с красочных литературных образов, сравнивая латентную преступность с различными явлениями природы. И даже пытаются делать выводы о природе латентной преступности на основе этих метафор. Но, к сожалению, и метафоры, и сделанные на их основе выводы, кроме красоты слога и эстетического удовольствия несут читателю псевдонаучные заблуждения.

Начало этой череде порочных метафор положил, наверное, японский прокурор Сигема Оба, который в своей немецкой диссертации впервые использовал понятие

«тёмное число» – неправильный перевод английского выражения «dark number» (неизвестная величина). Этот ошибочный перевод, тем не менее, понравился немцам и быстро прижился в немецкоязычных криминологических исследованиях: «тёмному числу» противостоит «светлое число» и т.д. [39, с. 125].

Далее русский ученый Ф. Захаревич для раскрытия сущности латентной преступности использовал красочный образ: «Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть еще средство вполне достаточное для установления числа преступлений, истинно совершаемых, подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает числа рыб, плавающих в реке» [10, с. 258]. С ним, в частности, соглашается известный российский исследователь латентности, профессор Сергей Михайлович Иншаков [12, с. 107–130].

Этот образ, может и красочный, но в корне неверный. Невозможно представить себе более меткого «попадания впросак», ведь дело обстоит с точностью до наоборот.

Сказать такое или согласиться с таким высказыванием мог только человек незнакомый с курсом Теории вероятностей и статистики для 10 и 11 классов общеобразовательных учреждений [33, с. 22]. Ибо любой, кто ознакомился с этим школьным курсом, знает, как посчитать рыбу в водоеме именно с помощью «числа рыб, пойманных неводом».

Не будем держать интригу, и выложим карты на стол: как же посчитать рыбу в водоеме? Очень просто – с помощью метода двойного отлова.

1. Производим отлов, например, мы поймали 20 рыбок – обозначим это малой буквой n латинского алфавита.

2. Помечаем этих рыбок, и отпускаем обратно в водоем.

3. Производим вторичный отлов через некоторое время. Например, мы поймали 30 рыбок, что обозначим большой буквой M , и среди них помеченных нами (то есть попались второй раз) – 5 рыбок – m .

4. Подставляем наши данные в формулу, и получаем приближенное значение количества рыб в водоёме:

$$\frac{N}{n} \approx \frac{M}{m}, \text{ откуда } N \approx \frac{nM}{m} \approx \frac{20 \cdot 30}{5} = 120,$$

где N – число рыб в водоеме в штуках; n – первый отлов (штук); M – второй отлов (штук), m – помеченные рыбки, которые попались второй раз (штук). Вот такой нехитрый расчёт, позволяющий примерно оценить неизвестное общее число рыбок в данном пруду. Ясно, что реальное число рыб в пруду с высокой долей вероятности не будет строго равно ста двадцати штукам, а будет немного больше или меньше данного числа.

Многочисленные варианты метода двойного случайного выбора применяются и в других науках, когда требуется дать оценку численности совокупности.

Ученые свет, а неученых – тьма. Незнание основ теории вероятностей и математической статистики приводит к подобным литературным ошибкам. В погоне за «красным словом», за красивой метафорой авторы пренебрегают порой не только здравым смыслом, но и установленными, и эмпирически доказанными законами мироздания, что приводит к появлению и укоренению ошибочных убеждений во многих научных сферах. В результате эти псевдонаучные идеи завладевают умами на многие годы (иногда столетия), тормозя развитие истинно научных идей. Правило «Прав самый красноречивый» допустимо в литературе, но не в науке.

Или вот еще один красочный образ – криминологи очень любят сравнивать преступность с айсбергом. Одни потому, что считают подводную часть айсберга точно неизвестной, лишь предполагаемой величиной, другие напротив – «точно знают», что подводная часть айсберга составляет всегда $7/8$.

И те, и другие опять «сели в лужу». Под водой может находиться от 70 до 90 % объёма айсберга [8, с. 110], в зависимости от концентрации соли в воде. Расчет точного размера подводной части айсберга – это задача по физике для 7 класса [15, с. 218].

Вот так и живем – пытаемся из литературных конструкций «извлекать» научные результаты³, а элементарные школьные задачи решать так и не научились.

Попав впросак с рыбками, криминологи попались на ту же удочку и с преступностью. Убедив себя в невозможности измерения латентной преступности, они принялись убеждать в этом всех вокруг, причем довольно успешно. Ошибочное представление о том, что точный, простой, быстрый и дешевый инструмент измерения латентной преступности не существует, укоренился в научной юридической среде, политическом истеблишменте и широком общественном сознании. За этим последовали громоздкие, долговременные и весьма затратные попытки исследования в области измерения латентной преступности. В результате титанических усилий появились многочисленные криминологические труды, посвященные латентной преступности.

Существующие в современной криминологии предлагаемые способы измерения латентной преступности мы разберем на примере двух наиболее крупных и авторитетных (имеется в виду, вызывающих доверие и одобрение в среде российских криминологов и не только) исследований, которые, по сути, являются ярким примером и иллюстрацией плачевного состояния научной мысли в данной сфере.

Не вызывать доверия и одобрения эти исследования не могут по определению, потому как проведены двумя ключевыми (в вопросах преступности) ведомствами нашего государства – Министерством внутренних дел РФ и Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Пословица гласит: «Встречают по одежке, а провожают по уму». Проводы иногда затягиваются.

Интересен тот факт, что аналогичные (если не сказать больше – идентичные) по содержанию и методологии исследования латентной преступности за один и тот же период проводились сразу двумя ведомствами. Если учесть, что, как заявляют сами исследователи, мероприятия по изучению криминальной латентности очень трудоемкие, объемные, финансово высоко затратные и т.д., то не вполне понятна причина дублирования ведомствами работы друг друга. Боюсь даже предположить, сколько денег было выделено на проведение одной и той же работы в обеих организациях.

Далее представлена таблица с основными характеристиками исследований латентной преступности, проведенных Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ.

Таблица № 1

	Генеральная прокуратура РФ [13, с. 6]	МВД РФ [17, с. 174]
Объект исследования	Латентная преступность	
Временной период исследования	2001-2006 годы	
Метод исследования	интервьюирование граждан; опрос специалистов; опрос осужденных; изучение журналов регистрации заявлений и сообщений, представления и постановления прокуратуры, «отказных материалов».	
Объем представительной	7000 граждан (почти во всех	6074 граждан в 21 регионе России

³ О том, что такое научный результат читайте: Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли // Российский криминологический взгляд. – 2007. - №2. - С. 117-127.

выборки	регионах РФ)		22-23 млн. преступлений в год
	2001г.	19 300 000	
Выявленный объем латентной преступности	2002г.	20 500 000	
	2003г.	20 600 000	
	2004г.	20 500 000	
	2005г.	20 200 000	
	2006г.	20 400 000	

Итак, мы видим, что по основным параметрам исследования были, мягко говоря, аналогичны.

Разницу между ними составляют лишь полученные результаты: в среднем разница оцениваемого уровня латентной преступности по версии МВД и Генеральной прокуратуры составила 2 250 000 преступлений в год⁴.

Далее будет показано, что в результате грубых арифметических ошибок, допущенных при расчете латентной преступности ВНИИ МВД, эта разница составит около 7 млн. преступлений.

И вот эта разница ничуть не смутила исследователей, более того она никак не помешала им подобно «кукушке и петуху» [19, с. 5] нахваливать друг друга:

1. «Весьма показательно, что коллектив НИИ при Генеральной прокуратуре РФ под руководством С. М. Иншакова, используя другие методики, получил почти аналогичный показатель латентности в 2006 г.: 21,4 млн. преступлений⁵» [17, с. 178-179];

2. «Аналогичные цифры были получены в ходе исследований, осуществленных сотрудниками ВНИИ МВД РФ» [13, с. 6].

И как бы вы себе думали – «весьма показательно» для чего? Для того, что МВД и Генеральная прокуратура в результате «трудоемкого и весьма непростого процесса» [11, с. 42] изучения латентной преступности, проведенного параллельно (за тот же период на той же территории), получили результаты, существенно отличающие друг от друга? Нет! Оказывается, это показывает надежность обоих исследований – ведь раз цифры «аналогичные» (плюс минус 7 миллионов – к чему мелочиться в таком важном вопросе), то мы все правы, мы все молодцы!

Опять же таки тот факт, что величина латентной преступности за один и тот же период, на одной и той же территории оценивается по-разному (разница достигает 1 000 000 преступлений) в различных работах под авторством С.М. Иншакова – никого не смущает. Так, например, упомянутый выше 2006 год имеет как минимум три различные характеристики по уровню латентных преступлений: 1) 20 400 000 [13, с. 9]; 2) 21 357 000 [11, с. 42-45]; 3) 21 400 000 [17, с. 174].

Понять стремление исследовательских коллективов прийти к сходным результатам не сложно, ведь эта сходность будет указывать на валидность (действительность) обоих исследований. И, напротив, если данные не согласуются – то ставится под сомнение валидность одного или обоих методов оценки того или иного показателя преступности (в нашем случае – это латентность) [37, с. 122].

Это мы обрисовали картину в целом, теперь давайте подробно разберемся, как измеряли латентную преступность в МВД РФ и в Генеральной прокуратуре РФ. Начнем с МВД РФ.

Способ измерения латентной преступности ВНИИ МВД России.

⁴ Сравниваются средние арифметические показатели латентных преступлений $(19,3+20,5+20,6+20,5+20,2+20,4/6)-(22\ 000\ 000+23\ 000\ 000/2)=2,25$ млн. преступлений

⁵ На самом деле по данным НИИ ГП уровень латентной преступности составлял 20,4 млн., а не 21,4 млн. преступлений – опять не состыковка с цифрами.

Ход исследования латентной преступности, проведенного ВНИИ МВД России, довольно подробно описывают Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский в работе «Криминологическое измерение» [17, с. 178-179] на примере 2000 года.

Этап № 1. ВНИИ МВД России проводит опрос представительной выборки 6074 граждан в 21 регионе России. Итог этапа № 1: 26,5% опрошенных заявили, что в 2000 году они подвергались преступным посягательствам; 55% из них (из 26,5 %) по фактам посягательства обращались в письменной или устной форме в милицию.

Этап № 2. Полученные данные сотрудники ВНИИ МВД распространяют на все население России, и находят, что: 38 000 000 граждан считали себя потерпевшими от преступлений в 2000 г.; 20 000 000 – 21 000 000 из них (из 38 000 000) сделали об этом заявление в органы милиции; 17 000 000 – 18 000 000 из них (из 38 000 000) таких заявлений не делали.

Итог этапа № 2: 17 000 000 или, всё-таки, 18 000 000 (это не уточняется) граждан считали себя потерпевшими от преступлений в 2000 году, но не заявили об этом в соответствующие государственные органы.

Этап № 3. Далее полученную цифру 17 000 000 или 18 000 000 уменьшают на $\frac{1}{3}$ (одну треть). Почему именно на $\frac{1}{3}$ спросите вы, а потому что, цитирую: «как показывает практика проверки заявлений и сообщений, граждане примерно в каждом третьем случае ошибочно относят случившиеся с ними происшествия к категории преступлений» [17, с. 178-179]. Чья практика показывает? Где соответствующие эмпирические данные, на основании которых был сделан такой вывод? Где расчеты? Где всё это? Ответов нет...

Ну да ладно – на $\frac{1}{3}$, так на $\frac{1}{3}$ - в конце концов, у нас в стране свобода слова и Бог с ним, что это вроде как научное исследование. Уменьшили и уменьшили.

Итог этапа № 3: 14 000 000 фактических преступлений в 2000 году.

Этап № 4. Далее 14 000 000 фактических преступлений уменьшают на число зарегистрированных преступлений 2 950 000. Получают 11 000 000 латентных преступлений.

Возникает вопрос: почему исследователи считают, что 14 000 000 – это фактическая преступность (т.е. зарегистрированная + латентная), ведь если я правильно помню, на этапе № 2 они уже исключали из расчетов граждан, которые сделали заявление в милицию? А, следовательно, получившаяся цифра по логике проводимых расчетов должна отображать уровень латентной преступности...или здесь другая логика...

Но оставим и это – бумага все стерпит...

Итог этапа № 4: 11 000 000 латентных преступлений в 2000 году.

Этап № 5. А вот тут уже совсем интересно – *hanky-panky*⁶ - полученную цифру: 11 мил. латентных преступлений исследователи берут и удваивают, то есть просто умножают на 2.

Исходя, из каких соображений – спросите вы, а оказывается, что «исходя из тех же пропорций среди «незаявленных» фактов скрывается ориентировочно около 11 млн. преступлений» [17, с. 178-179]. Каких ещё «тех же пропорций»? Пропорция – это верное равенство двух соотношений. Насколько я помню в ходе проводимого МВД исследования ни на одном этапе, ни одна пропорция не фигурировала. Как среди незаявленных фактов «скрылось» еще одиннадцать миллионов преступлений? И как их нашли? Ответов опять нет...

Итог этапа № 5: 22 миллиона латентных преступлений в 2000 г.

⁶ Фокус-покус.

Вот таким «интересным» способом ВНИИ МВД измерило уровень латентной преступности в 2000 году, и получило цифру в 22 миллиона преступлений.

Вы думаете, что интересное на этом закончилось, а вот и нет! Самое интересное начинается в тот момент, когда у нас возникает желание проверить порядок расчетов. Ведь ценность любого научного исследования заключается в том, что полученный результат можно проверить (верифицировать). Так давайте проверим, пройдя самостоятельно последние 4 этапа исследования.

Итак, далее представлена сравнительная таблица расчетов латентной преступности в 2000 году по методу ВНИИ МВД.

Таблица № 2

Этап	Расчеты ВНИИ МВД	Проверочные расчеты
1	- 26,5% опрошенных заявили, что в 2000 г. они подвергались преступным посягательствам, - 55% из них (из 26,5 %) по фактам посягательства обращались в письменной или устной форме милицию.	
2	Полученные данные распространяем на все население России[34]	
	Число граждан, считавших себя потерпевшими от преступлений в 2000 г. 26,5% от 146 890 128 = 38 000 000 (потеряли 925 883)	26,5% от 146 890 128 = 38 925 883
	Число граждан, сделавших об этом заявление в органы милиции в 2000 г. 55% от 38 000 000 = 20 000 000 или 21 000 000 хотя должно было получиться: 55% от 38 000 000 = 20 900 000	55% от 38 925 883 = 21 409 236
	Число граждан, НЕ сделавших об этом заявление в органы милиции в 2000 г. 38 000 000 - 20 000 000 = 18 000 000 или 38 000 000 - 21 00 000 = 17 000 000	38 925 883 - 21 409 236 = 17 516 646
	Число граждан, считавших себя потерпевшими от преступлений и НЕ сделавших об этом заявление в органы милиции ⁷ уменьшаем на 1/3 18 000 000-(18 000 000*0,3333)= 14 000 000 , хотя должно было получиться: 18 000 000-(18 000 000*0,3333)= 18 000 000-5 999 400= 12 000 600 или 17 000 000-(17 000 000*0,3333)= 14 000 000 , хотя должно было получиться: 17 000 000-(17 000 000*0,3333)= 17 000 000-5 666 100= 11 333 900	17 516 646-(17 516 646*0,3333)= 17 516 646-5 838 298= 11 678 347
4	14 000 000 «фактических» преступлений уменьшаем на число зарегистрированных преступлений 2000г. [34] 14 000 000 - 2 952 367 = 11 000 000 хотя должно было получиться: 14 000 000 - 2 952 367 = 11 047 633	11 678 347 - 2 952 367 = 8 725 980
5	Число латентных преступлений умножаем на два 11 000 000 * 2 = 22 000 000 (ну хоть на два правильно умножили)	8 725 980 * 2 = 17 451 960
Итого: 22 000 000 - 17 451 960 = 4 548 040		

Проведение аналогичных расчетов в 2001—2006 гг. давало показатель текущей криминальной латентности в пределах 22—23 млн. криминальных проявлений [17, с. 178-179].

⁷ Можно было на этапе № 2 уменьшить на 1/3 общее число лиц, считающих себя жертвами криминальных проявлений и продолжить расчеты, тогда результат составил бы 11 400 570, что привело бы к еще более грубой ошибке исследователей ВНИИ МВД (полученная разница в 200 тыс. не принципиальна для демонстрации чудовищных ошибок, исчисляемых миллионами).

Таким образом, пересчитав следом за ВНИИ МВД размер латентной преступности по их же методике, мы получаем никак не 22 000 000, а 17 451 960 преступлений в год. Разница составила 4 548 040 преступлений в год! Ничего себе погрешность! Да вся зарегистрированная преступность в том же 2000 году составила 2 952 367 (в 1,5 раза меньше чем величина ошибки). А тут целое ВНИИ 4,5 млн. преступлений потеряло и не заметило.

Вот теперь становится понятно, что это действительно *«весьма показательно, что коллектив НИИ при Генеральной прокуратуре РФ под руководством С. М. Иншакова, используя другие методики, получил почти аналогичный показатель латентности в 2006 г.: 21,4 млн. преступлений»* [17, с. 178-179]. Да это просто чертовски показательно: считали-считали и насчитали ровно столько, сколько было нужно – а нужно было примерно столько же, сколько и у Генпрокуратуры. Вот только забыли, что другие люди тоже считать умеют, и могут взять, да и пересчитать. И получается, что показатели уже не такие и аналогичные, как хотелось бы...

В свете вскрывшихся обстоятельств никак не могу не отдать должное правоте С.М. Иншакова в том, что «особую ценность имеет сопоставление данных о латентной преступности, полученных различными научными коллективами с использованием различных методов [13, с. 5]».

Но это всё не просто весьма показательно, это ещё весьма и весьма интересно, каким же это образом НИИ при Генеральной прокуратуре РФ получило этот аналогичный показатель? Давайте это выясним.

Способ измерения латентной преступности НИИ при Генеральной прокуратуре РФ (далее по тексту – НИИ ГП).

Приступая к изучению способов измерения латентной преступности НИИ ГП, сразу обозначим один очень важный, я бы даже сказала ключевой момент, а именно – верификация! Верификация – (от лат. *verificatio* — доказательство, подтверждение) – понятие, используемое в логике и методологии научного познания для обозначения процесса установления истинности научных утверждений посредством их эмпирической проверки.

Прошу обратить на это самое пристальное внимание – ведь именно полное отсутствие возможности верификации данных, полученных НИИ ГП, проходит красной нитью сквозь всё их исследование.

Научный коллектив не приводит никаких данных, связанных с расчетами: ни первичных статистических данных, ни порядка проведения опросов, ни результатов проведенных опросов, ни порядка расчетов – ничего этого нет. Конечные цифры по уровню латентной преступности всегда выдаются в готовом виде. Понять, как их получили, проверить порядок и правильность расчетов не представляется возможным.

Как указывает известный американский криминолог Дж. Ф. Шели: «Очень важно понимать, как собираются эти данные, какие показатели можно рассчитать на их основе, и каковы их сильные и слабые стороны» [37, с. 131].

Любой научный результат⁸ должен соответствовать одному из основных принципов любого научного познания – принципу воспроизводимости. Принцип воспроизводимости заключается в том, что в случае повторения какого-либо научного исследования должны получаться результаты схожие, не противоречащие

⁸ О том, что такое научный результат читайте: Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли // Российский криминологический взгляд. – 2007. - №2. - С. 117-127.

результатам самого исследования. Это будет означать, что это исследование достоверно.

Принимая на веру невоспроизводимые или хуже того неподдающиеся проверке (в силу отсутствия и исходных данных, и описания самого решения), а, следовательно, недостоверные данные, можно легко оказаться в роли слепого лося, бегущего через горящий лес.

А теперь о самом исследовании латентной преступности НИИ ГП.

В основе гипотез о масштабах криминальной латентности научного коллектива НИИ при Генеральной прокуратуре лежат данные о преступности в зарубежных странах. Цитирую: «Например, в Швеции ежегодно регистрируется 12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения. В России в шесть раз меньше. Логично предположить, что в маленькой, *благополучной* Швеции уровень фактической преступности не выше, чем в России. Скорее всего, в этой стране лучше поставлено дело с регистрацией преступлений. Соответственно, логично предположить, что реальный уровень преступности в нашей стране как минимум выше в шесть раз: коэффициент латентности равен 6, а в абсолютных показателях фактическая преступность – не менее 18 млн. преступлений в год. Если за основу сравнения взять США, то уровень нашей фактической преступности можно оценить цифрой порядка 50 млн. преступлений в год» [13, с. 6].

Цифры конечно устрашающие – 18 млн., 50 млн. преступлений в год, но давайте по порядку разберемся, откуда взялись такие астрономические цифры по латентной преступности в России. Все просто! Научный коллектив НИИ ГП просто берет и сравнивает Россию по уровню преступности со страной, из года в год занимающей второе почетное место в мире по уровню преступности – со Швецией [14, с. 59]. Почему не сравнили Россию с лидером (Новой Зеландией) – не знаю – возможно, просто не нашлись данные?

Чем объяснить столь интересный выбор страны для сравнения? Возможно, Россия и Швеция схожи степенью распределения доходов населения, политической системой или экономическим устройством? Или может быть, в обеих странах сопоставимое уголовное законодательство, и порядок учета преступлений? Это неизвестно - поскольку перед проведением сравнительного анализа преступности в различных странах этими «второстепенными» вопросами никто не задавался.

Далее включаем логику... Логично предположить, что страна, занимающая 2-е место в мире по уровню преступности, является «благополучной»? Конечно, логично!

Логично предположить, что уровень преступности России не может быть меньше чем в Швеции? Конечно, логично!

Поэтому нужно смело умножить на шесть зарегистрированную преступность в России, и получить минимальный уровень преступности в России – 18 млн. преступлений в год.

Опять же таки за год или годы проводится сравнение – не понятно – исследователи не затрудняют себя подобными мелочами. Но так как в работе в основном приводятся данные за период с 2002 по 2009 годы, то, наверное, и указанное выше сравнение проводилось в этом временном диапазоне.

Давайте приведем первичные статистические данные.

Таблица №1. Первичные статистические данные о зарегистрированной преступности в России и Швеции за период с 2002 по 2009 годы.

Таблица № 3

годы	Абсолютное число зарегистрированных преступлений (Россия) [21]	КП ⁹ Швеция (на 100 тыс. населения) [36]	КП Россия (на 100 тыс. населения) [21]	Соотношение КП Швеция и КП Россия
2002	2526305	11937	1739	6,8
2003	2756398	12282	1906	6,4
2004	2893810	12133	2009	6,0
2005	3554738	11951	2477	4,8
2006	3855373	11451	2695	4,2
2007	3582541	12086	2509	4,8
2008	3209862	12433	2249	5,5
2009	2994820	12588	2097	6,0

Как видно из приведенной таблицы, только в 2004 и 2009 годах уровень преступности в Швеции был в 6 раз больше чем в России. Почему автор для расчета взял именно этот показатель - в 6 раз больше, а не в 4 или в 5? – Не понятно. Может, логичнее было бы взять для расчета среднее арифметическое соотношений коэффициентов преступности России и Швеции равное 5,6, но, если сказать по-честному подобные манипуляции – чистейший абсурд и грубая антинаучная фальсификация.

Российская и шведская преступность никак не связаны между собой, а де-факто НИИ ГП утверждает, что российская преступность выражается через шведскую линейным уравнением: $y=6x$, где y – абсолютное число преступлений в России, x – абсолютное число преступлений в Швеции, и при этом коэффициент корреляции между переменными модели равен единице. Соответственно шведская преступность связана с российской обратным уравнением: $x=\frac{y}{6}$. Это полный абсурд и полное непонимание существа вопроса. Если исследователей из НИИ ГП интересовал, по каким-то непонятным причинам, вопрос связи между временными рядами шведской и российской преступности, то можно было бы это сделать, и получить в результате уравнение: $\hat{y} = 7691 - 0,453x$ (пучено по статистическим данным, приведенным в таблице). При этом оба параметра уравнения статистически не значимы на пятипроцентном уровне значимости (p -значение для свободного члена $0,11 > 0,05$; p -значение для коэффициента регрессии и того больше $0,23 > 0,05$), и также уравнение в целом не значимо на 5% уровне значимости.

Но, это часть вопроса. Вообще говоря, работая с временными рядами, нужно проверять их на наличие тенденции, возможность коинтеграции, при необходимости переходить от уровней ряда к их первым разностям и так далее, чего в данном случае мы делать не собираемся, поскольку изучать связь между значениями шведской и российской преступности не имеет смысла – это разные, и не имеющие связи социально-правовые явления. Разной является структура шведской и российской преступности, различается причинный комплекс, включая демографические характеристики соответствующих групп населения, проживающих на данных территориях, экономические детерминанты и так далее. Совершенно не случайно знак при коэффициенте регрессии в уравнении,

⁹ Коэффициент преступности, приведенный на 100 000 населения.

связывающем преступность в России и Швеции, отрицательный, а не положительный, а, следовательно, и уравнение $y=6x$ никак получить нельзя.

Дальше – больше. Пусть, как полагают авторы из НИИ ГП, российская преступность выше шведской в шесть раз но вот только откуда тогда взялась цифра в 18 млн. преступлений? Ведь если умножить на 6 абсолютное количество зарегистрированных преступлений в России за 2004 год мы получим $2893810 \cdot 6 = 17\,362\,860$ преступлений, а если за 2009 год, то получим $2994820 \cdot 6 = 17\,968\,920$ преступлений. 18 000 000 не получается ни в одном из расчетов, хотя данные 2009 года очень близки. Ну да ладно, ведь точность – это же вежливость королей, а не юристов – у юристов все примерно, на глазок. Хотя? казалось бы в таком важном вопросе, как измерение преступности, можно было бы поднапрячься – как ни как речь о человеческих судьбах.

Вот так легко: бац! – И уровень латентной преступности в России равен 18 млн. преступлений.

А дальше ещё логичней... Далее автор сравнивает по уровню преступности Россию и США. Здесь уже исследователи и вовсе не утруждают читателя ненужными подробностями, а именно порядком расчетов. Научный коллектив просто берет, и выдает нам величину фактической преступности в России в размере 50 млн. преступлений в год.

Как и откуда взялась эта цифра непонятно. Можно было бы предположить, что исследователи провели аналогичные со Швецией расчеты, т.е. сравнили уровень преступности в США и России, а потом умножили зарегистрированную преступность в России на полученный показатель. Но нет, ведь тогда результат будет другой.

Таблица № 4

Год	КП (Россия) [13, с. 6]	КП (США) [20, с. 51]	Соотношение КП США и России
1999 ¹⁰	2051	4267	$4267 / 2051 = 2,1$

Теперь, умножаем зарегистрированную преступность в России в 1999 на полученный показатель:

$3\,002\,000 \cdot 2,1 = 6\,304\,200$ преступлений в год, а никак не 50 000 000 преступлений.

Вопрос – как научный коллектив получил не 6 304 200, а целых 50 000 000 (а мы еще в примере со Швецией жаловались на отсутствие точности и ясности в расчетах...)? Ответа на этот вопрос нет – научный коллектив не утруждает себя посвящением читателя в методику расчетов. Сказали 50 000 000, значит 50 000 000 – торг здесь не уместен!

Видимо, проведя при сравнении России и США расчеты, аналогичные расчетам при сравнении России и Швеции, научный коллектив не удовлетворился полученным результатом – слишком мало – всего то, 6 304 200 преступлений.

Тогда было решено идти другим путем – не умножать зарегистрированную преступность в России на 2,1, а разделить на 2,1, но только не зарегистрированную преступность в США равную 11 635 100 [14, с. 138] преступлений, а предполагаемый возможный уровень совершенных преступлений в США равный 100 000 000 преступлений¹¹ [20, с. 51]: $100\,000\,000 / 2,1 \approx 50\,000\,000$ преступлений в год.

¹⁰ Этот год для сравнения выбран С.М. Иншаковым

¹¹ Данное предположение было высказано В.В. Луневым (по его словам – цифра «серьезно завышена»).

Вообще то, если быть точным, то $100\,000\,000 / 2,1 = 47\,619\,047$ преступлений, но мы уже привыкли к «юридической точности».

Ловкость рук и никакого мошенничества – главное с «умом» подойти к расчетам и уровень криминальной латентности в России будет зашкаливать при сравнении с любой страной мира. А ведь это – «основа гипотез о масштабах криминальной латентности» [13, с. 6], что же нас ждет дальше с такой основой...

Ну что же, с основными научными гипотезами НИИ при Генеральной прокуратуре мы разобрались, теперь приступим к научной методологии. Т.е. какими способами измерялась латентная преступность.

Способ № 1. Исследование виктимизации.

Если коротко, то ВНИИ МВД у граждан спрашивали, считают ли они себя потерпевшими от преступлений.

Перед проведением самого опроса научный коллектив, надо отдать ему должное, задумался о надежности данных, полученных в результате опроса граждан. У исследователей возникли обоснованные сомнения по поводу того, а не изменяет ли память нашим потенциальным жертвам, а не привирают ли наши опрашиваемые? Но эти сомнения были с легкостью развеяны в результате проведения «специального исследования», призванного рассчитать примерную погрешность данных, полученных в результате опроса населения.

Результат исследования – погрешности практически нет, данные достоверны!

Что же это за «специальное исследование», гарантирующее достоверность данных?

Все гениальное просто! Просто берем и спрашиваем у самих опрашиваемых:

- «Возможно ли забыть о том, что в отношении вас было совершено преступление?»

- «Возможно ли при совершении в отношении Вас преступных деяний переоценить степень их тяжести, добавив то, чего не было?»

Если ответ «НЕТ», то смело делаем вывод – данные надежны.

История из серии «нарочно не придумаешь»: проверять память человека, спрашивая у него самого, не забыл ли он о чем то! Да как он может адекватно оценить состояние своей памяти, если у него амнезия, например, или просто забыл, или девичья память плавно переросла в женскую забывчивость, а она в свою очередь скоро перейдет в старческий склероз...

А между тем наши американские коллеги ещё в далеком 1972 году придумали и внедрили в практику куда более адекватный способ проверки достоверности данных, полученных из виктимологических опросов. А именно, Дж. Тернер проводил опросы жертв преступлений, указанных в полицейских отчетах за последний год. В результате было обнаружено, что доля указанных в ходе опроса инцидентов зависит от промежутка времени, прошедшего с момента правонарушения до взятия интервью. Если с момента совершения преступления прошло не более 3 месяцев, респонденты вспоминали о 69% случаев виктимизации, 6 месяцев – о 50%, 9 месяцев – о 46%, а если год – лишь о 30% правонарушений. Именно поэтому интервью NCVS (National Crime Victimization Survey – Национальный виктимологический опрос) проводятся один раз в 6 месяцев, а не раз в год. [37, с. 116]

Вот вам наглядная демонстрация надежности виктимологических опросов. Это отнюдь не означает, что данные опросы абсолютно бесполезны и не информативны. Просто нужно адекватно оценивать данные, полученные таким путем, делать соответствующие поправки при их интерпретации. А не так как это делают «герои нашего исследования».

А теперь разберемся, как использовали в НИИ ГП эти «надежные» данные виктимизационных опросов для измерения уровня латентной преступности на примере 2009 года (расчетов за остальные годы они не представили).

Основные этапы измерения латентной преступности НИИ ГП с помощью виктимизационных опросов [13, с. 6]:

Этап № 1. НИИ ГП проводит опрос представительной выборки 7000 граждан практически во всех регионах России (каких именно – не уточняется).

Итог этапа № 1: – 15% опрошенных заявили, что в 2009 г. они подвергались преступным посягательствам.

Сразу обратим внимание, что не указывается и далее в расчетах никак не учитывается, сколько граждан из этих 15% обращались в правоохранительные органы.

Этап № 2. Полученные данные сотрудники НИИ ГП распространяют на все население России, и находят, что: – 21 000 000 граждан считали себя потерпевшими от преступлений в 2009 г.

Хотя, если вычислить 15% от 142 700 000 жителей России в 2009 [34], то должно получиться 21 405 000. 405 000 – куда-то потерялось.

Этап № 3. Полученную цифру увеличивают на 20%, и получают уровень фактической преступности в России в 2009 г.

Почему увеличивать? И почему именно на 20%?

Если вы помните, МВД РФ, напротив, полученную цифру уменьшало на 1/3. Но у НИИ ГП своя, отличная от МВД РФ логика. Оказывается, увеличивать нужно потому, что «далеко не все преступления причиняют вред конкретной жертве» [13, с. 6]. Допустим, но почему на 20%, если согласно расчетам, того же НИИ ГП «176 статей УК РФ устанавливают уголовную ответственность за деяния, причиняющие вред конкретным людям, что составляет почти 70% анализируемых составов преступлений» [13, с. 87].

100% - 70% = 30%. Следовательно 30% составов не причиняют вред конкретной жертве, а не 20%. Опять 2 и 3 в кучу не связали...

Ладно, едем дальше. Увеличиваем 15% населения РФ в 2009 на 20%.

$$21\ 405\ 000 + (21\ 405\ 000 * 20\%) = 21\ 405\ 000 + 4\ 281\ 000 = 25\ 686\ 000.$$

А если умножить, как положено на 30%, то получаем: 21 405 000 + (21 405 000 * 30%) = 21 405 000 + 6 421 500 = 27 826 500

Получаем 27 826 500 фактической преступности в России в 2009 г. Точную цифру НИИ ГП не указывало – мы ее рассчитали самостоятельно по их методике.

Этап № 4. Сравнивают полученное число фактических! преступлений с данными о числе латентных! преступлений, полученными другими методами – методом экспертных оценок и методом С.Е. Вицина.

Таблица № 5

По данным исследований НИИ ГП			
2009 год	Уровень фактической преступности согласно виктимологическому опросу	Уровень латентной преступности согласно экспертным оценкам	Уровень латентной преступности рассчитанный по методу С.Е. Вицина
		27 826 500	23 000 000

По результатам сравнения исследователи приходят к выводу, что минимальный уровень латентных преступлений в 2009 составляет 23 000 000 преступлений.

Почему из всех цифр выбрали именно 23 000 000 – непонятно.

Далее исследователи к 23 000 000 прибавляют 3 000 000 зарегистрированных преступлений (хотя по данным МВД – 2 994 800) и получают 26 000 000

фактических преступлений в 2009 г. Почему 26 000 000? Только что ведь по данным виктимизационных опросов насчитали 27 826 500!

Цифры скачут как белки, а исследователи произвольно хватают те, которые им больше нравятся.

Но и это ещё не всё! Получив цифру 26 000 000 фактических преступлений в 2009 г., НИИ ГП заявляет, что «аналогичные цифры были получены в ходе исследований, осуществленных сотрудниками ВНИИ МВД РФ» [13, с. 6]. Всё бы хорошо, но ВНИИ МВД проводило исследования по латентной преступности по 2006 г. [17, с. 178-179]. Только по 2006 г., про 2009 г. в работе, на которую ссылается НИИ ГП, нет ни одного слова. Да и не может быть, т.к. работа, на которую они ссылаются уже была издана в 2008 г.

Чудеса в решете – латентность МВД исследовало по 2006 год, а НИИ ГП нашло в этом исследовании МВД данные, аналогичные своим собственным за 2009 год!

А ещё скромничали, что «трудно найти черную кошку в темной комнате» (во введении к монографии НИИ ГП) [13, с. 5]. Да что там черную кошку, тут целое исследование по латентной преступности ВНИИ МВД за 2009 год, которого не было нашли! А вы говорите – черную кошку...

Способ № 2. Методика «саморегистрирующаяся преступность»

Прямо лозунг для плаката на здании МВД или прокуратуры: «Совершил преступление – приди и самозарегистрируйся!». Мечта любого прокурора и начальника полицейского управления.

Если серьезно, то суть способа № 2 идентична способу № 1, с той лишь разницей, что опрашивают граждан о том, совершали ли они какое-либо преступление (без указания какое) в течение прошлого года.

Проверка надежности данных аналогичная: - «Врать будем?»; - «Нет, что вы!».

Данные надежны! В общем, надежность на высшем уровне. Интересная политика двойных стандартов.

Предполагаемым преступникам НИИ ГП верит на слово. Они же сказали, что врать не будут, вот им верят. И смело измеряют уровень латентной преступности на основании таких вот «надежных данных».

А вот соседнему ведомству МВД никто на слово не верит. Данные официальной статистики никто на веру не принимает. Более того, не то что МВД не верят – не верят даже в саму статистику! Ведь, по мнению С.М. Иншакова то обстоятельство, что анализировать криминальные реалии нужно на основе официальной статистики, является неким *стереотипом мышления* [13, с. 5]. Также высказывается мнение о том, что «Стратегия воздействия на преступность, ориентированная лишь на зарегистрированную часть криминального феномена, вряд ли может быть *полноценной*, поскольку объект воздействия оказывается усеченным» [13, с. 772].

Очень странно читать такие строки в монографии, львиная доля содержания которой (не менее 90% процентов) – это представление результатов проведенных выборочных наблюдений. Почему-то автор считает, что очень даже можно оценивать уровень латентной преступности по стране на основании опросов лишь небольшой части населения, а вот изучать преступность на основании данных официальной статистики никак нельзя. Хотя, по сути, и в первом и во втором случае – это будет одно и то же – выборочное наблюдение. Только в случае с зарегистрированной преступностью выборка будет гораздо более многочисленной, да и качество сбора данных куда более высокое, чем при проведении опросов.

Способ № 3. Эксперимент. В качестве экспериментов, направленных на выявление уровня латентной преступности, НИИ ГП предлагает:

Эксперимент № 1. «Экспериментальным путем устанавливался временной период, в течение которого у человека, вошедшего в московский метрополитен,

воры-карманники вытаскивали кошелек. В результате установили, что для кражи нужно от 20-30 минут до 3 часов» [13, с. 93].

Как эти данные можно использовать для измерения уровня латентности научный коллектив не объясняет. Провели и провели эксперимент, потратили бюджетные деньги и хорошо. Выводов никаких.

Эксперимент № 2. «В качестве участников эксперимента привлекали лиц, которым необходимо было решить различные вопросы в тех или иных государственных органах. Условием участия в эксперименте было твердое намерение попытаться решить проблему без дачи взятки. Из 100 участников 72 удалось решить, имевшиеся у них проблемы, без дачи взятки» [13, с. 93].

И на этом всё. Никаких выводов, расчетов, предложений – что теперь делать этими цифрами – ничего.

Сам научный коллектив оценивает данные, полученные в результате экспериментирования, как научные факты высокой пробы [13, с. 93]. Вот только что делать с этими «высокопробными фактами»? – Непонятно.

Способ № 4. Социологическое наблюдение. Научный коллектив НИИ ГП описывает только одно социологическое наблюдение, ну как социологическое наблюдение – в общем, история, рассказанная военнослужащими одной из войсковых частей нашей необъятной Родины.

Но хотя, если разобраться, то военнослужащие – это бесспорно часть социума, и наблюдение тоже имело место (наблюдали за «взяточниками-гаишниками» с караульной вышки в бинокль). Так что, в принципе, всё правильно – это было «социологическое наблюдение».

Суть в следующем. Солдаты, неся караульную службу по охране спецобъекта, со своей караульной вышки наблюдали в бинокль за постом ГИБДД. И обнаружили, что сотрудники ГИБДД берут взятки, а полученные деньги прячут в жестяную банку в придорожной канаве, деньги из которой изымают раз в неделю. Наблюдали-наблюдали солдаты за этим безобразием, а потом, вспомнив революционный лозунг «Грабь награбленное!», взяли, да и национализировали незаконные доходы сотрудников ГИБДД (забрали себе). Вот всё социологическое наблюдение...

Думаю, вы уже сами догадались, что и в этом случае никаких выводов или предложений – как же эта информация помогла научному коллективу измерить латентную преступность – не будет.

Способ № 5. Экспертные оценки. Суть этого способа заключается в том, что какие-то (не разглашается какие именно) эксперты оценивают уровень латентной преступности. Потом все оценки суммируют, и выводят среднюю арифметическую величину. Всё.

Опять же никаких расчетов. Не приводится ни одна экспертная оценка. Нет ни одной!

Каким образом эти таинственные «эксперты» оценивали уровень латентной преступности?

Поди туда – не знаю куда, спроси того – не знаю кого, и будет тебе уровень латентной преступности!

О чем здесь можно вообще говорить, если одним из видов экспертных оценок по источнику информации являются, вы не поверите – интуитивные оценки [13, с. 94].

То есть источник информации об уровне латентной преступности в России – интуиция! Вы серьезно? Интуиция? Читая эти строки, я еще раз посмотрела на обложку книги – не перепутала ли я книгу по «Экстрасенсорике» и научную монографию, содержащую результаты многолетней работы НИИ при Генеральной прокуратуре по изучению латентной преступности. Нет – не перепутала, а жаль. Хотя..... может и мне на досуге спросить у своей интуиции: «Какой уровень

латентной преступности в России в 2020 году?» Но это уже тема для следующей научной статьи.

Так, в изучаемом исследовании приводится вот такое мнение бывшего начальника Бюро судебно-медицинских экспертиз г. Санкт-Петербурга В.В. Андреева (наверное, это и есть та самая интуитивная оценка): «Как специалист, участвуя во вскрытиях, я *чувствую*, что во многих случаях зафиксированных в городе смертей стоит подозревать использование не диагностируемых ядов...» [13, с. 104]. Прекрасно! Он чувствует. И что нам с этим чувством делать? Причину смерти как устанавливать будем? Как специалист, участвующий во вскрытиях *чувствовать* вы можете неприятный запах, те или иные эмоции при виде трупа, температуру окружающей среды – на то у вас есть органы чувств. А вот по поводу причины смерти – тут уж, извините, необходимо более научное обоснование, чем «я так чувствую...».

Так же экспертные оценки, по мнению НИИ ГП, бывают – *неопределенные* (много, мало, не очень много и т.п.).

На практике анкета по опросу экспертов, наверное, выглядела примерно так:

1. Как вы оцениваете количество латентных преступлений в России в 2002 г. (выберите один вариант ответа): а) много; б) мало; в) не очень много; г) не очень мало.

2. Назовите ваш источник информации о количестве латентных преступлений: а) интуиция; б) подсознание; в) приснилось во сне; г) рассказал мой попугай.

А между тем научный коллектив НИИ считает, что «если метод экспертных оценок применяется корректно, нет никаких оснований считать его ненадежным» [13, с. 96]. Корректно – это как? Если у вас источник информации – интуиция, о какой надежности вообще идет речь? А, оказывается, вот как: если исключить самую высокую и самую низкую оценки, а потом посчитать среднее арифметическое, то сразу уменьшиться «элемент случайности и субъективизма при использовании указанного метода» [13, с. 96].

А вот пример неопределенной экспертной оценки. Научный коллектив НИИ ГП провел опрос 1480 студентов различных вузов Москвы и других регионов. Этот опрос показал, что 25% студентов как минимум 2 раза в год дают взятку преподавателям за выставление положительной оценки. С учетом общей численности студенческого контингента России, который в 2009 г. составил порядка 7,5 млн. человек, общая цифра латентной преступности получается очень большой.

Коротко и ясно – «очень большая» цифра. И всё! Никаких расчетов. А зачем? И так понятно – «очень большая цифра».

И ничего, что по данным опроса только одной социальной группы, проведенного по поводу только одной структурной составляющей преступности (дача взятки) делается вывод об общей цифре латентной преступности.

И ничего, что опять ошибки в исходных данных: не 7 500 000 студентов в 2009 в России, а 7 418 847 студентов [9], ведь на то она и неопределенная оценка.

Вот они Интуитивные Неопределенные Экспертные Оценки во всей красе!

Далее научный коллектив сопоставляет данные о латентности, полученные методом экспертных оценок, с данными о латентности, полученными другими методами. И не надейтесь, что нам покажут эти самые данные, полученные разными методами – сколько не ищите, вы не найдете ни одной сравнительной таблицы. Если научный коллектив НИИ ГП сказал, что сопоставил – значит, так оно и есть, и нечего тут проверять! Но сейчас не об этом речь (к отсутствию данных мы уже привыкли). А речь о том, что в результате этого сопоставления получается, что данные экспертных оценок то «очень занижены», то «многократно превышают». То

есть данные полученные разными методиками не сходятся, дают разные результаты, и исследователи сами признают это, но при этом вывод делают прямо противоположный – «в свете наших исследовательских задач метод экспертных оценок вполне удовлетворителен» [13, с. 96]. Я, конечно, понимаю, что математическая задача может иметь несколько способов решения, но ответ то всегда должен быть один и тот же. Иначе, либо один из способов неверен, либо где-то арифметическая ошибка.

Способ № 6. Матричное моделирование. В рамках этого способа измерения латентной преступности научный коллектив НИИ ГП обратился к методу статистических моделей С.Е. Вицина в комбинации с линейным программированием.

Звучит очень круто и очень сложно, думаю, что после этих строк мало кто из юристов продолжил чтение, если вообще дошел до этого места.

Как утверждает научный коллектив, такой расчет показал, что уровень латентной преступности в России составляет $21,5 \pm 2,5$ млн. преступлений в год. Тут же авторы замечают, что на основании метода экспертных оценок они получили сходную цифру – 23 млн. преступлений в год. Хотя буквально на предыдущей странице уверяли нас, что уровень латентности по версии экспертных оценок даёт очень заниженные результаты в сравнении с другими методиками. Ну да ладно, здесь же всё сошлось – значит обе методики можно считать корректными.

А теперь, давайте подробно разберемся в методе С.Е. Вицина, в методе линейного программирования, и в том, как эти методы можно, и возможно ли вообще применить при измерении латентной преступности.

Метод статистических моделей С.Е. Вицина.

Сразу обозначим, что С.Е. Вичин никакого готового способа измерения латентной преступности не разработал.

В своей работе Моделирование в криминологии С.Е. Вичин прямо указывает: «Разработка комплексных моделей преступности на базе сочетания методов моделирования путем использования единого измерителя общественной опасности преступлений и построения матричных моделей в перспективе может дать возможность исчисления обобщенного показателя матрицы – индекса преступности, – свободного от влияния латентной преступности. При этом этот вопрос требует дополнительного исследования» [6, с. 86]. Всё.

С.Е. Вичин лишь высказывал свои предположения о возможных направлениях для решения этого вопроса и более ничего. Какие именно соображения, и насколько они пригодны для измерения латентности? Давайте разберемся, ведь именно ими руководствовались сотрудники НИИ ГП при измерении латентной преступности.

С.Е. Вичин предполагал, что «*коэффициент «пораженности преступностью» — это единственный показатель, не подверженный влиянию латентной преступности, а построение матричных моделей преступности – наиболее приемлемый в настоящее время способ для адекватной оценки преступности в целом*» [6, с. 86].

Т.е. С.Е. Вичин предлагает через коэффициент «пораженности преступностью», который свободен от латентности, каким-то способом рассчитать латентную преступность.

Давайте разберемся, что собой представляет коэффициент «пораженности преступностью», и свободен ли этот коэффициент от влияния латентной преступности?

Коэффициент «пораженности преступностью» или коэффициент криминальной активности - суть одно и то же, что коэффициент криминогенной пораженности конкретной демографической группы – ККП [23]:

$$KKП = \frac{D_c}{D} D - \text{доля данной демографической группы во всем населении}$$

на исследуемой территории за исследуемый период времени:

$$D = \frac{Q_c}{Q}, \text{ где } Q - \text{абсолютная общая численность народонаселения в данное}$$

время в данном месте, Q_c – численность исследуемой демографической группы в то же время и в том же месте;

D_c – доля выявленных лиц из данной демографической группы, совершивших преступления, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления в данное время в данном месте:

$$D_c = \frac{q_c}{q}, \text{ где } q - \text{абсолютное число выявленных лиц, совершивших}$$

преступления на данной территории за данное время; q_c – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления из данной демографической группы за то же время в том же месте.

Коэффициент криминогенной пораженности используется для ответа на вопрос о преступной активности конкретных демографических групп народонаселения.

Рассчитав коэффициент криминогенной пораженности, мы можем получить ответы на такие вопросы: мужчины или женщины чаще совершает преступления? Кто чаще совершает угон автотранспорта – подростки или пожилые люди? Кто чаще совершает кражи – лица без постоянного источника дохода или официально трудоустроенные лица?

Для этого, собственно говоря, этот коэффициент и рассчитывается – для измерения преступной активности различных групп населения! Ничто иное с помощью этого коэффициента вы не получите – ни уровень преступности, ни удельный вес структурных составляющих преступности, ни темпы роста уровня преступности, ни тем более латентную преступность. Всё это нужно будет рассчитывать по другим формулам, закладывая в них необходимые для расчета данные. Обратите внимание, что при расчете коэффициента криминогенной пораженности вообще не используются ни абсолютные не относительные величины, характеризующие преступность и её структурные составляющие. Было бы еще понятно, если проф. Вицин пытался как-то подтянуть к вычислению латентной преступности собственно коэффициент преступности, в расчет которого закладывается абсолютное число зарегистрированных преступлений, но, увы.

Это мы внесли ясность про коэффициент «пораженности преступностью», как бы используемый С.Е. Вициным для измерения латентной преступности. Теперь продолжаем разбирать саму предлагаемую методику.

По мнению С.Е. Вицина этот коэффициент «пораженности преступностью» свободен от влияния латентной преступности потому что:

1. «Закономерность распределения признаков, характеризующая указанными коэффициентами, не требует полного учета изучаемой совокупности» [6, с. 77]

2. «Независимо от того, полностью или не полностью учтены преступления, доли различных групп¹² в их массиве не изменятся, поскольку составляющие коэффициента не содержат в себе абсолютных величин» [6, с. 86]. Специалисты по общей теории статистики, долго бы смеялись, прочитав, сей перл.

Какую изучаемую совокупность, полный учет которой не требуется, имеет в виду С.Е. Вицин?

Скорее всего, С.Е. Вицин под изучаемой совокупностью понимал фактическую преступность (зарегистрированную плюс латентную), т.к. речь идет о полноте учета преступлений.

Но, согласно имеющейся формуле, оба эти довода С.Е. Вицина являются ошибочными потому как, **во-первых** – совокупность преступлений (преступность) вообще никак не учитывается (не используется при вычислении коэффициента «пораженности преступностью»). Используются данные характеризующие выявленных лиц, совершивших преступления, а не данные характеризующие саму преступность – эту разницу нужно очень четко понимать;

во-вторых – остальные, используемые в формуле данные (совокупности) являются не чем иным как абсолютными величинами:

q – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления (человек);

q_c – абсолютное число выявленных лиц, совершивших преступления из данной демографической группы (человек);

Q – абсолютная общая численность народонаселения (человек);

Q_c – численность исследуемой демографической группы (человек).

Если же под изучаемой совокупностью понимать не преступность, а другие показатели (совокупности), используемые в формуле коэффициента «пораженности преступностью», то они учитываются полностью, и утверждение С.Е. Вицина является ложным. Если это население, то учитываются все люди. Если это лица, совершившие преступления, то они тоже учитываются в полном объеме. Если это численность исследуемой демографической группы (например, женщин), то учитывать в расчетах нужно всех женщин без исключения. В противном случае – это была бы какая-то фальсификация данных.

Возможно, С.Е. Вицин потому и считал коэффициент «пораженности преступностью» свободным от влияния латентной преступности, что в процессе его расчета никакие данные о преступности не используются вообще. А поскольку этот коэффициент «свободен» от латентности, то его можно использовать для измерения самой латентности. Абсурд.

Ведь тогда согласно этой же логике, для расчета латентной преступности можно с не меньшим успехом использовать формулу кинетической энергии $E_k = \frac{mv^2}{2}$, m – масса тела, v – скорость, ведь она тоже «свободна» от латентности, т.к. в ее формуле не используются данные о преступности.

Таким образом, даже «свободный» от латентной преступности коэффициент «пораженности преступностью» никак не может помочь в измерении латентности.

Далее автор пишет следующее:

«Особенно интересным и перспективным представляется сопоставление динамических рядов рассмотренных коэффициентов и аналогичных абсолютных показателей за ряд лет.»

¹² Здесь речь идет именно о различных демографических группах лиц, совершивших преступления т.к. далее автор пишет: «Иначе говоря, если среди лиц, совершивших насильственные преступления, рабочие в возрасте 18—19 лет (или любая другая группа лиц) составляют 10%, то эта закономерность выявляется на фактически имеющемся статистическом материале, и, следовательно, значение описанных коэффициентов и всей их совокупности в матрице не зависит от латентной преступности».

Такое сопоставление позволит: видеть, как реально влияет латентная преступность на ее статистику (по видам), найти те виды преступлений, изменения показателей которых идут параллельно статистике и будут своеобразными «индикаторами» для преступности и отдельных ее групп, оценить действительное искажающее воздействие латентной преступности на ее статистику.

В самом деле, если использовать два ряда показателей для каждого вида (группы) преступлений, один из которых свободен от воздействия латентной преступности, изучение их даст исследователю ответ на многие вопросы, связанные с реальной оценкой латентной преступности» [6, с. 86].

То есть методика С.Е. Вицина по измерению латентной преступности состоит из следующих этапов:

1. Сопоставление временных рядов коэффициентов «пораженности преступностью» с аналогичными абсолютными показателями.

Т.е. нужно построить 5 временных рядов следующих показателей: коэффициентов «пораженности преступностью»; абсолютного числа выявленных лиц, совершивших преступления; абсолютного числа выявленных лиц, совершивших преступления (или какой-то один вид преступления) из данной демографической группы; абсолютной общей численности народонаселения; численности исследуемой демографической группы.

Это сделать не сложно. Только зачем? Никакой логики в сем нет.

2. Интерпретация сопоставления. Такое сопоставление, по мнению С.Е. Вицина, позволит: - видеть, как реально влияет латентная преступность на ее статистику (по видам); - найти те виды преступлений, изменения показателей которых идут параллельно статистике, и будут своеобразными «индикаторами» для преступности и отдельных ее групп; - оценить действительное искажающее воздействие латентной преступности на ее статистику.

Это всё просто прекрасно! У меня только один вопрос – как? Как мы вдруг из этого графика «увидим» реальное влияние латентной преступности на статистику? Если эти графики построены только по данным, характеризующим контингент преступников – кто, сколько и каких преступлений совершил!

Как мы вдруг «оценим» искажающее действие латентности? Если в этих графиках отсутствуют данные и о латентности, и о зарегистрированной преступности! Как? Если саму латентность мы считать еще не умеем?

Автор отвечает: «найдите те виды преступлений, изменения показателей которых идут параллельно статистике – они и будут своеобразными «индикаторами» для преступности и отдельных ее групп».

Параллельно какой статистике? Ну, даже, если и параллельно, то что? Индикаторами чего? Ответов нет!

3. Появление данных, свободных от латентности.

На этом этапе у нас, откуда то должны появиться, и мы должны использовать «два ряда показателей для каждого вида (группы) преступлений, один из которых свободен от воздействия латентной преступности. Изучение их даст исследователю ответ на многие вопросы, связанные с реальной оценкой латентной преступности» [6, с. 86].

Как получить эти два ряда показателей преступности, один из которых свободен от латентности?

Ответов нет!

Естественно, что, идя по пути ложных рассуждений, и не владея методами ведения научных исследований, С.Е. Вичин приходит к ложным выводам о том:

- «что коэффициент «пораженности преступностью» — это единственный показатель, не подверженный влиянию латентной преступности, а построение матричных моделей преступности - наиболее приемлемый в настоящее время для адекватной оценки преступности в целом» [6, с. 77];

- «что показатели коэффициентов «пораженности преступностью» могут характеризовать реальные, не искаженные латентной преступностью изменения преступности» [6, с. 80].

И в качестве иллюстрации приводится матричная модель преступности, построенная по коэффициентам «пораженности преступностью» половозрастных, социальных и иных групп городского населения (произвольные данные) [6, с. 80].

Таблица № 6

Структура контингента преступников	Структура преступности			
	Насильственные преступления (20%)	Корыстные преступления (30%)	Преступления смешанной группы (15%)	Хулиганство (25%)
14-15 лет	0,5	0,8	0,9	0,9
16-17 лет	1,8	0,9	1,3	1,2
18-19 лет	1,5	1,4	1,3	1,8
Рабочие	1,6	1,2	1,2	1,5
Служащие	0,6	0,9	0,5	0,6
Колхозники	1,2	0,9	0,9	1,0

Из приведенной таблицы очень хорошо видно, что это «матричная модель» не преступности, а контингента выявленных лиц, совершивших преступления. Да это вовсе и не матричная модель, а простая таблица, которую еще не преобразовали к матричному виду *тхл* с соответствующим числом строк и столбцов. Терминология линейной алгебры, связанная с изучением матриц, у проф. С.Е. Вицина совершенно отсутствует, а, следовательно, ни о каком применении матричного моделирования здесь не могло идти и речи. Что делать то с его «матрицей»? – Транспонировать её, умножать на какую-то другую матрицу, брать от неё обратную?

Очевидно, что автор просто запутался в этих двух различных показателях.

Ведь, как он сам ранее отмечал: «... коэффициенты «пораженности преступностью», сведенные в матричную модель, позволяют выяснить, кто совершает преступления и какие именно» [6, с. 79]. Вот именно: «кто и какие преступления совершает», т.е. характеристика лиц, совершающих преступления, а не количественная характеристика преступности и её структурных составляющих.

Ещё раз – коэффициенты «пораженности преступностью» не могут характеризовать не то что латентную, даже зарегистрированную преступность! Они характеризуют контингент преступников.

А теперь самый проблематичный вопрос всей этой «методики» измерения латентности: «Как с помощью коэффициентов «пораженности преступностью» найти данные о преступности, «свободные» от латентности?»

На все эти вопросы нет ответов. А раз нет ответов, то нет и методики изучения латентной преступности!

Как по этой методике измеряли латентную преступность в НИИ ГП – для меня большая загадка. НИИ ГП никак не объяснило, как оно использовало эту антинаучную «методику» - нет никаких исходных данных, нет никаких расчетов. Есть только голословное заявление о том, что мы применили методику С.Е. Вицина, и получили такой-то уровень латентной преступности. Остается только удивляться: Как?

Вопросы к научному коллективу НИИ ГП по порядку применения метода С.Е. Вицина:

- По каким демографическим группам проводилось исследование?

- По каким видам преступлений проводилось исследование?

- Где официальные статистические данные, характеризующие абсолютное число выявленных лиц, принадлежащих к определенной демографической группе и совершивших определенный вид преступлений (например, сколько женщин совершили кражи в таком-то году)?

- Где сама матричная модель, построенная по коэффициентам криминальной активности (они же «пораженностью преступностью»)?

- Где временные ряды коэффициентов криминальной активности и аналогичных абсолютных показателей?

- Где выявленные данные по преступности, свободные от латентности?

Ответов на эти вопросы опять же нет!

Собственно говоря, НИИ ГП и не применяло методику С.Е. Вицина, хотя об этом и было заявлено. Оно и понятно – как было наглядно продемонстрировано выше, применить эту «методику» для измерения латентной преступности просто невозможно.

Вместо этого научный коллектив НИИ ГП сделал следующее: каким-то образом совместил мифический метод матричного моделирования С.Е. Вицина и метод линейного программирования, который действительно существует, и разработан выдающимся исследователем Л.В. Канторовичем, за что последний был удостоен Нобелевской премии.

Давайте разберемся как.

Этапы этого комбинированного метода изучения латентной преступности НИИ ГП:

1. Построение матричной модели (или проще говоря – таблицы) по коэффициентам криминальной активности различных групп населения.

2. Применение метода линейного программирования с использованием этой матричной модели.

Вроде всё просто и ясно: строишь матрицу, применяешь линейное программирование, и получаешь уровень латентной преступности. Но не всё так просто, как пишут наши исследователи.

Во-первых, научный коллектив НИИ ГП не выполнил ни один из двух пунктов своего метода:

1. Не построил матричную модель по коэффициентам криминальной активности различных групп населения.

2. Не прописал порядок решения задачи линейного программирования.

Очень умно: нет данных – нечего проверять – не на чем поймать! Всё – опять верьте нам на слово. Ну да ладно – разберемся и без их помощи!

Выполнить условия первого этапа не сложно – нужно просто рассчитать по формуле коэффициенты криминальной активности различных групп населения, и составить по ним таблицу.

А вот на втором этапе у нас возникает вопрос: **возможно ли применить метод линейного программирования для измерения латентной преступности?**

Ответить на этот вопрос можно, разобравшись в сути самого метода, что мы и сделаем.

Метод линейного программирования. Линейное программирование является средством, которое использует лицо, принимающее решение, для оптимизации целей **в условиях полной определенности**.

Под определенностью понимается такое состояние знания, когда лицо принимающее решение, заранее знает конкретный исход для каждой альтернативы. Иначе говоря, лицо, принимающее решение, обладает исчерпывающим знанием состояния среды и результатов каждого возможного решения [28, с. 51].

В своем практическом использовании линейное программирование является наиболее успешным и широко используемым подходом к решению задач распределения ресурсов.

Линейное программирование можно формально определить, как метод оптимизации (т.е. максимизации или минимизации) линейной функции нескольких переменных, имеющих комплекс линейных ограничений [28, с. 72].

Вот классический пример задач, решаемых методом линейного программирования.

Дано: Гончарное предприятие выпускает два вида глиняной посуды: горшки и вазы. Для изготовления горшка нужно 4 фунта глины, 1 час работы, а прибыль от продажи горшка – 4 доллара. Для изготовления вазы нужно 3 фунта глины, 2 часа работы, а прибыль от ее продажи – 5 долларов. У нас есть один гончар, который работает 40 часов в неделю и допустимый расход глины в неделю – 120 фунтов.

Вопрос: Сколько горшков и ваз нужно изготовить в неделю, чтобы прибыль была максимальной?

С помощью простого EXCEL эту задачу можно решить за 10 минут.

Решение¹³:

Шаг 1. Определение переменных.

X_1 – количество горшков, производимых в день; X_2 – количество ваз,

производимых в день.

Шаг 2. Определение целевой функции.

Каждый горшок дает 4 доллара прибыли, каждая ваза – 5 долларов. Цель, Z , состоящая в максимизации прибыли, выражается как $Z=4X_1 + 5X_2$

Шаг 3. Определение ограничений.

Ограничение по труду: гончар будет работать не более 40 часов в неделю.

Соответственно: $X_1 + 2X_2 \leq 40$.

Ограничение по материалам: у нас есть только 120 фунтов глины в неделю, каждый горшок требует – 4 фунта глины, ваза – 3 фунта.

Соответственно: $4X_1 + 3X_2 \leq 120$

Шаг 4. Введение ограничений на значение переменных.

Физически невозможно произвести отрицательное количество горшков и ваз.

Соответственно: $X_1, X_2 \geq 0$

Шаг 5,6,7. На этих этапах строится график с линиями ограничений, которые мы обозначили выше. Вся область под этими линиями – область допустимых решений. В области допустимых решений содержатся все сочетания переменных, удовлетворяющих всем ограничениям.

Очевидно, что существует громадное количество таких комбинаций: фактически их число бесконечно.

Т.е. применительно к нашей задаче решения могут быть следующие:

1. если произвести 20 ваз и 0 горшков, то прибыль составит 100 долларов,
2. если произвести 0 ваз и 30 горшков, то прибыль составит 120 долларов,

¹³ Задачу можно решать графическим и симплексным методами, здесь приводится пример графического решения.

3. если произвести 8 ваз и 24 горшка, то прибыль составит 136 долларов.

С помощью графика мы легко найдем оптимальное решение.

В третьем случае прибыль будет максимальной, и все ограничения будут удовлетворяться, а, следовательно, данное решение будет оптимальным.

Теперь вы понимаете, что значит «оптимизация целей в условиях полной определенности»?

В оптимизационных задачах линейного программирования всегда все условия заранее определены, т.е. известны. Мы точно знаем, сколько у нас глины, сколько у нас работников, сколько глины и времени нужно тратить для производства горшков и ваз. И мы точно знаем, чего хотим – максимизировать прибыль.

Нам осталось выяснить только одно – сколько именно горшков и ваз нужно делать в неделю, чтобы оптимально (максимально прибыльно) использовать имеющиеся ресурсы. Так чтобы и работник без дела не сидел (ему ведь заплачено), и чтобы имеющееся сырье по максимуму использовать, и чтобы при этом прибыль была максимальной. И чтобы не делать это вручную (это ведь долго и нудно, а иногда просто человеческой жизни не хватит просчитывать все варианты) используют метод линейного программирования. В общем – «канарейку за копейку, и чтоб басом пела». И линейное программирование нам в этом помогает.

Но как оно нам может помочь в измерении латентной преступности, да еще в комбинации с мифической методикой Вицина? Скажу сразу – никак!

Если бы НИИ ГП применяло метод линейного программирования для измерения латентности, то это должно было бы выглядеть примерно так (по аналогии с горшками и вазами).

Дано: Таблица с коэффициентами криминальной активности различных групп населения по различным видам преступлений. (Но эту таблицу, если она, конечно же, существует, нам никто не показал)

Решение:

Шаг 1. Определение переменных. $X_{1,2,3}$ – количество выявленных лиц,

совершивших преступления, относящиеся к определенным главам УК РФ;

Шаг 2. Определение целевой функции. Показатели раскрываемости.

(И всё! Никакого линейного уравнения целевой функции никто не представил)

Шаг 3. Определение ограничений. Доли лиц, принадлежащих к определенным группам населения, в структуре общей численности граждан РФ в возрасте от 14 лет. Это вообще всё о чём?

Мы с вами помним задачу про горшки и вазы. Там с ограничениями все понятно. Понятно, что если у нас только 120 фунтов глины, то это помешает нам сделать 1000 горшков, потому что глины хватит только на 30 горшков. Понятно, что если гончар работает, только 40 часов в неделю, а не круглые сутки, то это опять же помешает нам сделать 1000 горшков.

Но мне не понятно как тот факт, что доля¹⁴ женщин в общей численности населения РФ составляет 0,54, помешает раскрываемости?

Было бы понятно, если в ограничения поставили количество следователей и оперуполномоченных, ведь чем их больше, тем больше дел может быть раскрыто и соответственно расследовано. Но при чем тут доля в населении женщин, мужчин, студентов, рабочих и т.д. – непонятно. Как они мешают правоохрнительным органам раскрывать преступления. Вот я понимаю, табельного оружия на всех не хватило, и поэтому преступника не задержали, а тут....

¹⁴ Данные для 2009г.

Шаги 4,5,6,7 отсутствуют.

Вместо этого исследователи пишут следующее:

«Оптимальное моделирование матрицы коэффициентов криминальной активности населения за один год в условиях минимума и максимума целевой функции позволяет **спрогнозировать фактическое количество граждан, совершивших преступления**, в будущем году» [13, с. 97].

Вспоминаем, целевая функция была определена **показателями раскрываемости**, а прогнозировать будем граждан, совершивших преступления?

Начали за здравие – кончили за упокой...

Цель – показатели раскрываемости, итог – количество граждан, совершивших преступления. Только мне кажется, что цель то не достигнута!

Далее выдается готовое, непонятно каким образом полученное, решение: «...уровень латентности в нашей стране составляет $21,5 \pm 2,5$ млн. преступлений» [13, с. 98].

То есть прогнозировали количество граждан, совершивших преступления, а получили – уровень латентности....

Вот такая женская логика: начать искать показатели раскрываемости, потом на их основании спрогнозировать количество граждан, совершивших преступления, а потом на основании этого прогноза получить латентную преступность.

Логично? Конечно, логично!

Ошибки НИИ ГП, допущенные при попытке измерения латентной преступности при использовании метода линейного программирования:

Ошибка 1. Метод линейного программирования не пригоден для изучения скрытых явлений.

Эта ошибка является ключевой.

Нельзя было применять метод линейного программирования для измерения латентной преступности!

Данный метод предназначен для решения задач по оптимизации в условиях полной определенности.

Метод линейного программирования не предназначен для измерения скрытых явлений!

О каких условиях полной определенности может идти речь, когда мы говорим о латентной преступности. Здесь скорее обратная ситуация – полной неопределенности.

А НИИ ГП попыталось применить оптимизационный метод для измерения уровня латентной преступности в условиях полной неопределенности.

Ситуацию, в которой оказались наши исследователи, лучше любых других объяснений иллюстрирует один анекдот:

«Трое математиков, и трое физиков собираются ехать на поезде в другой город на конференцию. Они встречаются у кассы на вокзале. Первой подходит очередь физиков, и они, как все нормальные люди, покупают по билету на человека. Математики же покупают один билет на всех.

- Как же так? - удивляются физики. – Ведь в поезде контролёры, двоих из вас без билета ссадят!

- Не волнуйтесь! - бодро отвечают математики. - У нас есть МЕТОД. Перед отправлением поезда физики располагаются в вагоне, но стараются проследить за применением загадочного "метода". Математики же втроем набиваются в один туалет. Когда контролёр подходит к туалету, и стучит в дверь, оттуда высовывается рука с билетом. Контролёр забирает билет, и далее вся компания без проблем едет в пункт назначения.

После окончания конференции те же физики и математики вновь встречаются на вокзале. Физики, воодушевленные примером математиков, покупают один билет. Математики же не берут ни одного.

- А что же вы покажете контролёру? – спрашивают физики.

- Не волнуйтесь, у нас есть МЕТОД.

В поезде физики набиваются в один туалет, математики - в другой. Незадолго до отправления поезда один из математиков подходит к туалету, где прячутся физики. Стучит. Приоткрывается дверь, высовывается рука с билетом. Математик спокойно забирает билет и возвращается к коллегам.

Мораль: Нельзя использовать математические методы, не понимая их сущности!»

Я думаю, в то время, когда придумали этот анекдот, математики ещё не были знакомы с юристами, вернее юристы ещё не пытались познакомиться с математикой. А то бы главными героями истории стали не физики, а юристы.

Научный коллектив НИИ ГП оказался в анекдотичном положении физиков именно потому, что не понимал сущности метода линейного программирования!

Естественно, что полное непонимание используемых методов, повлекло за собой череду неизбежных ошибок.

Ошибка 2. Попытка построить именно прогноз латентной преступности.

Обратите внимание – методом линейного программирования попытались не измерить латентную преступность, а построить прогноз латентной преступности.

НИИ ГП, видимо, забыло свою первостепенную задачу, для которой, собственно говоря, всё и задумывалось – измерить уровень латентной преступности.

Сначала нужно научиться измерять какое-то явление или процесс, а потом уже на основании этих данных строить прогнозы. Наоборот не бывает – по той простой причине, что отсутствуют данные для построения прогноза.

А латентную преступность мы не научились измерять не то что на текущий момент, а даже за прошедшее время. Ну и главное, метод линейного программирования (планирования) не предназначен для составления прогнозов.

Ошибка 3. Использование непригодных для прогнозирования данных. Естественно, раз данных по латентной преступности нет, и, соответственно, прогноз по латентности строить не на чем, то Генеральная прокуратура выкручивалась, как могла – «я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и»... выдала за уровень латентной преступности.

Прогноз латентной преступности строился на основании коэффициентов криминальной активности. Ещё бы взяли данные о популяции бобров в центральной части России, и попытались на основе этих данных спрогнозировать латентную преступность. В принципе, результат был бы не хуже.

Ранее мы уже подробно разбирали коэффициент криминальной активности – что он собой представляет, и для каких целей используется.

Ошибка 4. Использование непригодного для прогнозирования метода. Подобно тому, как нельзя использовать линейное программирование для изучения скрытых явления, так же нельзя его использовать и для построения прогнозов.

Если уж вы решили строить прогноз, то нужно использовать пригодные для этого методы. Линейное программирование НЕ предназначено для построения прогнозов!

Ошибка 5. Неправильно определена целевая функция. НИИ ГП определило целевую функцию, как показатели раскрываемости преступлений.

Во-первых, так целевую функцию не определяют! Помните, как мы это делали для горшков и ваз: целевую функцию записывали в виде линейного уравнения. Если

этого не сделать, как программное обеспечение будет определять область допустимых решений?

Во-вторых, причем тут раскрываемость? Вроде бы считают латентную преступность, а целевую функцию определяют показателями раскрываемости. И какие показатели раскрываемости имели в виду в НИИ ГП?

Раскрываемость, рассчитывается по формуле $KP = RP / ZP$ где, KP – коэффициент раскрываемости, RP – количество раскрытых преступлений (штук); ZP – количество зарегистрированных преступлений (штук) в изучаемом периоде. Максимальное значение коэффициента раскрываемости составляет единицу в том случае если количество раскрытых преступлений равно количеству зарегистрированных $RP=ZP$, а, следовательно, $RP / ZP = 1$. Это в мечтах, на практике всегда меньше. Но дело не в этом.

Вопрос в том, как показатель раскрываемости может фигурировать в качестве целевой функции, если его максимальное значение равно единице и больше оно не станет, даже с помощью линейного программирования.

Если предположить, что в качестве показателя раскрываемости НИИ ГП взяло не коэффициент раскрываемости, а абсолютное число раскрытых преступлений, тогда возникает другая проблема. Зачем нам максимизировать или минимизировать число раскрытых преступлений? Это же не прибыль от продажи горшков! Нам это не нужно. Нам нужно чтобы раскрытых преступлений было ровно столько же, сколько и зарегистрированных. Больше – невозможно, меньше – не нужно.

Вот такое «матричное моделирование» в исполнении НИИ ГП.

Зато в этот раз нельзя обвинить ученых-юристов в пустом философствовании без применения математических методов! Математику в этот раз применяли, ещё и как применяли – больше 20 млн. латентных преступлений насчитали. Только способ использования «математической лопаты» оставляет желать лучшего. Вот и получается, что копать землю может кто угодно, а вот добывать полезные ископаемые – далеко не все. Равно как и «применять» математику может любой...желающий, а получать по итогам «математических копаний» научные результаты – единицы.

Способ № 7. Факторный анализ. Сразу внесем ясность:

1. Научный коллектив НИИ ГП факторный анализ НЕ применял вообще, перепутав его с множественным корреляционно-регрессионным анализом (множественной регрессией), применить который, впрочем, также не удалось;

2. Ни факторный анализ, ни корреляционно-регрессионный анализ не предназначены для выявления скрытых процессов и явлений. У каждого из них свои, совершенно другие задачи.

В современной статистике под **факторным анализом** понимают совокупность методов, которые на основе реально существующих связей признаков (или объектов) позволяют выявить латентные обобщающие характеристики организационной структуры и механизма развития изучаемых явлений и процессов. Понятие латентности в определении ключевое. Оно означает неявность характеристик, раскрываемых при помощи методов факторного анализа. Вначале мы имеем дело с набором элементарных признаков X_j , их взаимодействие

предполагает наличие определенных причин, особенных условий, т.е. существование некоторых скрытых факторов [30, с. 333].

Обратите внимание – выявление латентных причин явлений и процессов, а не выявление латентных явлений или процессов.

Методы факторного анализа разделяют на следующие классификационные группы:

1. Метод главных компонент (Г. Хотеллинг)

2. Методы факторного анализа:

2.1.1. Простые методы факторного анализа: Однофакторная модель Ч. Спирмена, Бифакторная модель Г. Хользингера; Центроидный метод Л. Тэрстоуна.

2.1.2. Современные аппроксимирующие методы: Групповой метод Л. Гуттмана и П. Хорста; Метод главных факторов Г. Томсона; Метод максимального правдоподобия Д. Лоули; Метод минимальных остатков Г. Хармана; α -факторный анализ К. Рао. [30, с. 338].

Научный коллектив НИИ ГП не применял факторный анализ по одной простой причине – т.к. не применялся ни один из методов факторного анализа. Нет методов факторного анализа – нет и самого факторного анализа.

НИИ ГП прямо указывает, что «на основе проведенного нами социологического исследования из всей совокупности социально-экономических факторов были выделены существенные» [30, с. 338]. Таким образом, существенные факторы определялись не с помощью факторного анализа, как было заявлено, а какими-то другими, вероятно, интуитивными способами. Какими именно – не уточняется.

Но если факторного анализа не было, то какой же метод измерения криминальной латентности скрывается за этим названием у НИИ ГП?

Названия этому методу еще не придумали, но по факту это представляет собой построение прогноза зарегистрированной преступности на основании корреляционно-регрессионного метода, а разница между данными прогноза и фактическими данными – и будет латентной преступностью. С помощью корреляционно-регрессионных методов, в принципе, можно делать прогнозы при правильной спецификации моделей, но исследователи из НИИ ГП об этом, видимо понятия не имеют, поскольку латентную преступность видят, как величину разницы между текущими значениями уровней ряда фактических данных и оцененных моделью, что в корреляционно-регрессионном анализе называется случайной ошибкой. Проще говоря, нам известно, например, число зарегистрированных преступлений в конкретном году, а по оценочному уравнению у нас получается другое число, относящееся к тому же году. Вот эту разность они считают латентной преступностью, но это просто ошибка аппроксимации в данной точке.

Но к великому сожалению, латентность в данном случае невозможно измерить с помощью корреляционно-регрессионного анализа, ровно как невозможно ее измерить с помощью факторного анализа и линейного программирования. Но обо всем по порядку.

Основные этапы измерения латентности методом «факторного анализа», как его представляет себе НИИ ГП:

Этап № 1. Социологическое исследование. Никаких данных об этапе исследования НИИ ГП не приводит.

Этап № 2. Выделение существенных факторов, детерминирующих преступность.

На основании «секретного» социологического исследования НИИ ГП выделило следующие существенные факторы, детерминирующие преступность: 1. Бедность значительной части россиян; 2. Материальное расслоение общества; 3. Негативные миграционные процессы; 4. Безработица; 5. Неэффективное функционирование механизмов социального контроля; 6. Правовой нигилизм; 7. Нравственный нигилизм; 8. Уровень психического здоровья населения; 9. Криминогенные аспекты психологического состояния общества; 10. Уровень алкоголизации населения; 11. Наркотизация населения.; 12. Безнаказанность за совершение преступлений и правонарушений; 13. Недостатки практики привлечения к ответственности за правонарушения и преступления; 14. Виктимогенность социальной жизни; 15.

Низкая эффективность деятельности органов внутренних дел; 16. Недостатки правового регулирования общественных отношений.

Научный коллектив НИИ ГП утверждает, что «для каждого фактора определили количественные показатели, которые их характеризуют» [13, с. 101] (при этом для каждого фактора – не менее двух показателей). Стоит ли говорить, что ни одного показателя приведено не было. А некоторые факторы выразить количественно, мягко говоря, проблематично. Например, очень хотелось бы узнать, какими количественными характеристиками были выражены правовой и нравственный нигилизм, недостатки правового регулирования? Такие объясняющие переменные могут вводиться только как фиктивные (в виде нулей и единиц), но НИИ ГП уверяет, что дало им иную количественную оценку. Как именно – не понятно.

Также НИИ ГП не учло тот факт, что нельзя вводить в корреляционно-регрессионную модель переменные, одна из которых может быть линейно выражена через другую. Другими словами, если для расчета одной переменной используются данные другой переменной, то такие переменные вводить в модель нельзя.

В случае с НИИ ГП такими переменными будут, например, бедность и материальное расслоение, потому как для расчета материального расслоения обязательно нужно использовать данные о бедности. Или эффективность деятельности органов внутренних дел и безнаказанность за совершение преступлений, потому как эффективность правоохранительных органов выражается в числе раскрытых преступлений, а оставшиеся нераскрытые преступления – это и есть не что иное, как безнаказанность. Или НИИ ГП как-то по-другому считало эффективность и безнаказанность?

Важно отметить, что при увеличении числа объясняющих переменных автоматически увеличивается коэффициент детерминации, в независимости от того существенные или несущественные переменные включены в модель. В этой связи в моделях, включающих две и более объясняющие переменные нужно использовать не простой, а скорректированный коэффициент детерминации, включающий «штраф» за дополнительные переменные.

Также не проводилась проверка спецификации модели, например, с помощью теста Рамсея (или иного подходящего теста).

Также не был проведен тест на линейные ограничения. Т.е. не проведено сравнение качества длинной и короткой регрессии. Возможно, модель с меньшим количеством переменных давала бы более объективные результаты.

Этап № 3. Расчет парной корреляции между всеми возможными парами факторов.

Произведя указанные расчеты, НИИ ГП не установило сильных корреляционных зависимостей ни для одной пары факторов, и сделало вывод, что они не имеют взаимной корреляции и пригодны для включения в корреляционно-регрессионную модель [13, с. 102].

Хотя следовало бы провести проверку модели на мультиколлинеарность, например, с помощью коэффициента VIF (variance inflation factor). Этого никто не сделал.

И даже проведенная НИИ ГП «проверка» коэффициентов вызывает множество вопросов.

Судя по переменным, включенным в правую часть уравнения, между некоторыми переменными должна быть сильная корреляционная связь. Например, очень сомнительно, что алкоголизация и наркотизация населения взаимно не коррелированы. Давайте проверим. Ниже представлена таблица с данными по заболеваемости населения.

Таблица № 7

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Наркомания (взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчетном году) на 100 000 человек населения	15,9	14,7	17,1	19,0	20,7	18,6	17,7
Алкоголизм и алкогольные психозы (взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчетном году) на 100 000 человек населения	159,0	152,8	147,0	134,8	122,5	121,5	111,8

Расчитанный по указанным данным коэффициент корреляции составляет **0,72**.

Это означает, что между исследуемыми переменными присутствует сильная положительная связь. А НИИ ГП пишет, что при расчете парной корреляции сильных связей не установлено [13, с. 102]. Как такое возможно?

Этап № 4. Построение многофакторной модели преступности.

Научный коллектив НИИ ГП **не** представил уравнение множественной регрессии вида: $\hat{y} = \alpha + \beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \dots + \beta_{16} x_{16} + \varepsilon$, которое является необходимым,

поскольку из него мы видим, как объясняющие переменные влияют на объясняемую переменную.

Но основной вопрос даже не в том, что нет самого уравнения, а в том, зачем это уравнение вообще нужно в данном случае? Не понятно, для каких целей авторы пытались получить данное уравнение, которое может связывать только число зарегистрированных преступлений с детерминирующими факторами, а, следовательно, к объяснению латентной преступности данное уравнение не имеет никакого отношения, поскольку в исходную таблицу в столбец преступности они могут ввести только известные данные о числе зарегистрированных преступлений.

Кроме уравнения должны быть показаны ошибки коэффициентов регрессии, дана общая оценка значимости уравнения регрессии, показан скорректированный коэффициент детерминации, поскольку в модели более двух управляющих переменных.

Ничего из выше перечисленного сделано не было.

А уравнение множественной регрессии, между прочим, ключевой момент во всем корреляционно-регрессионном анализе. Нет уравнения – нет и анализа!

Этап № 5. Построение прогноза зарегистрированной преступности.

Результаты прогноза числа зарегистрированных убийств, построенного на основе корреляционно-регрессионного уравнения, были представлены, а вот как были получены эти самые результаты, никто не прописывает.

Этап № 6. Расчет латентной преступности на основании прогноза зарегистрированной преступности.

А вот на этом этапе происходит самое интересное – расчет латентной преступности.

Исследователи приводят следующую таблицу.

Таблица № 8

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Уровень зарегистрированных убийств (ст. 105-108УК РФ)	34247	32929	32342	32213	31451	27977	22767	20546	18164
Уровень убийств, рассчитанный на	34247	35667	37167	38667	40167	41667	43200	44600	46200

основе многофакторной модели									

Разница между прогнозируемыми показателями (оцененными по регрессионному уравнению) и зарегистрированными показателями умышленных убийств, выдается за уровень латентной преступности, а это абсурд – ошибка аппроксимации выдается за латентное число преступлений!?

Очень интересно: данные брали только по зарегистрированной преступности, детерминанты подбирали тоже только по зарегистрированной, прогноз строили опять же таки только для зарегистрированной преступности, а на выходе – вуаля – получили латентную преступность. С таким же успехом можно налить в кастрюлю воды, кинуть туда капусту и картошку, варить это всё пол часа, а потом, открыв крышку, надеяться увидеть там не щи, а, например, азу из кролика. Откуда у вас в кастрюле возьмется кролик, ели вы его туда не положили? Надо сначала поймать кролика, а уже потом готовить из него азу. А не выдавать щи за азу.

Также и с преступностью: сначала надо научиться считать латентную преступность, а уже потом строить ее прогнозы. А не выдавать прогноз зарегистрированной преступности за прогноз латентной преступности.

Ещё раз обозначим, что корреляционно-регрессионный анализ не предназначен для выявления каких бы то ни было латентных явлений. Его основная задача – количественное описание связей между переменными. Причем между уже известными переменными. Если переменные неизвестны, то провести корреляционно-регрессионный анализ не получится по той простой причине, что отсутствуют данные для его проведения.

Если мы хотим количественно описать связь между латентной преступностью и какими-то факторами (степень неравенства распределения доходов, количество лиц без постоянного источника дохода или др.), то нам понадобятся данные по латентной преступности и данные по этим факторам. Т.е. сначала надо научиться считать латентную преступность, а уже потом проводить анализ ее данных, но не наоборот. К сожалению, и посчитать латентную преступность с помощью корреляционно-регрессионного анализа не получится.

В результате НИИ ГП получило не очень хороший прогноз зарегистрированных убийств. А вычитая из числа прогнозируемых убийств число зарегистрированных – получило отклонение свое прогноза от фактически имеющихся данных, т.е. показатель качества своего прогноза. Но никак не латентную преступность.

Подведем итоги. **Ошибки, допущенные НИИ ГП при попытке измерения латентной преступности при использовании корреляционно-регрессионного анализа:**

1. Не представлено уравнение множественной регрессии вида:

$$\hat{y} = \alpha + \beta_1 x_1 + \beta_2 x_2 + \dots + \beta_{16} x_{16} + \varepsilon.$$

2. Не показаны ошибки коэффициентов регрессии, не дана общая оценка значимости уравнения регрессии, не показан скорректированный коэффициент детерминации, поскольку в модели более двух управляющих переменных.

3. Не проведена проверка спецификации модели, например, с помощью теста Рамсея (или иного подходящего теста).

4. Не проведен тест на короткую и длинную регрессию.

5. Не показана проверка модели на мультиколлинеарность, например, с помощью коэффициента VIF (variance inflation factor).

6. Не указано, на каких данных строится модель множественной регрессии – пространственных, временных рядах или панельных данных, сочетающих в себе пространственные данные и временные ряды.

7. Ввели в корреляционно-регрессионную модель переменные, одна из которых может быть линейно выражена через другую.

Вот такой как бы «факторный анализ» в исполнении НИИ ГП.

Способ № 7. Анализ цикличности динамики преступности.

Суть метода заключается в выявлении определенной цикличности в динамике зарегистрированной преступности.

Как выявление этой самой цикличности помогло НИИ ГП в измерении латентной преступности не знает и само НИИ ГП, поскольку ничего по этому поводу в своем исследовании не указывает.

НИИ ГП выделяет какие-то циклы зарегистрированной преступности. И всё.

Но кроме бесполезности этого действия в плане измерения латентной преступности, интерес вызывает ещё и то, как выделялись эти самые циклы.

Относительно механизма, который лежит в основе цикличности, НИИ ГП выдвигает две гипотезы [13, с. 107].

Гипотеза № 1. Снижение преступности, не обусловленное предпосылками, может рассматриваться, как случайное (в отличие от необходимого).

Великолепная гипотеза о случайном, т.е. ничем не объясненном снижении преступности. Опустим тот факт, что у каждого следствия есть своя причина. И тот факт, что мы пока не выявили эту причину, не означает, что причина отсутствует вовсе. Буквально две страницы назад мы читали о том, что НИИ ГП провело социологическое исследование, и на его основе выделило целых 16 существенных факторов, детерминирующих преступность, а тут рост преступности стал «случайным», ничем не обусловленным явлением. Применительно к уравнению регрессии всё случайное списывается в случайный член, записанный в конце уравнения, а влияние неучтенных факторов списывается в свободном члене.

Гипотеза № 2. Реальные тенденции преступности соответствуют ее тренду, который представляет собой относительно ровную линию, без всяких зигзагов.

«Потом я открыл ещё, что собаки весной траву кушают подобно овцам и что кофей для полнокровных людей вреден, потому что производит в голове головокружение, а в глазах мутный вид и тому подобное прочее» [35].

Оказывается, живы потомки Семи-Булатова.

Научная гипотеза: «реальные тенденции преступности соответствуют ее тренду» [13, с. 108]. «Captain Obvious»¹⁵ ещё плыть да плыть до таких горизонтов...

При выдвижении этой «научной гипотезы» никого не смутил тот факт, что тенденция = тренд. Тенденция – это русский перевод английского слова *trend*. Откройте любой словарь по статистике [40, с. 678], любую книгу, посвященную статистике [29, с. 1043], и вы увидите, что эти два термина используются как тождественные: тренд (тенденция) или тенденция (тренд).

Как тенденция может не соответствовать тренду, если это одно и то же?

Научная гипотеза: «тренд представляет собой относительно ровную линию, без всяких зигзагов».

Я даже знаю источник этой научной гипотезы и, нет, это не вдохновение, а словарь терминов в учебнике по статистике: «тенденция (тренд) для временного ряда – очень долгосрочное поведение исследуемого временного ряда; как правило, отображается в виде прямой линии или экспоненциальной кривой» [29, с. 1043].

¹⁵ Капитан очевидность

Но нельзя сказать, что все «научные гипотезы» были просто списаны из учебников и словарей – есть кое-что новенькое и для статистиков: «тренд обладает относительной упругостью: он сопротивляется попытке опустить его вниз и при первой же возможности, как пружина, распрямляется» [13, с. 108].

Тренд (тенденция) – это движение значений переменной в одном направлении в течение некоторого периода времени [40, с. 678]. Т.е. тренд просто отражает направленное движение какой-либо переменной. Например, у нас есть показатели зарегистрированной преступности за 10 лет, которые увеличивались в течение всего этого периода. Значит, имеет место положительный тренд (тенденция) преступности.

Кто пытался опустить тренд у НИИ ГП, и как этот тренд сопротивлялся? Не известно... Но на основании именно этих двух гипотез НИИ ГП выявляло цикличность в динамике зарегистрированной преступности.

Итак, мы разобрали основные «способы» измерения латентной преступности, которые применяло НИИ ГП. Естественно, что после этого критического разбора возникает закономерный вопрос о качестве данных криминальной латентности, полученных такими методами.

Неудивительно, что коэффициент латентности, выводимый по результатам работы НИИ ГП не имеет точной методики расчета. В разных частях своей работы НИИ ГП приводит различные формулы коэффициента латентности, расчеты по которым приведут к различным результатам. Мы обнаружили как минимум две странные формулы, не имеющие никакого отношения к измерению латентной преступности: $K_L = \frac{\Phi}{P}$, где K_L – коэффициент латентности, Φ – фактическая

преступность, P – зарегистрированная преступность; $K_L = \frac{K_{ПШ}}{K_{ПР}}$, где K_L –

коэффициент латентности, $K_{ПШ}$ – коэффициент преступности Швеции, $K_{ПР}$ –

коэффициент преступности России. Какую именно формулу считать корректной – не указывается. Неудивительно, что выводы, которые пытались сделать исследователи НИИ ГП на основании полученных данных, неверны.

Так, например, НИИ ГП была установлена обратная зависимость между зарегистрированной и латентной преступностью: «На графике эта зависимость хорошо просматривается: там, где зарегистрированная преступность идет вниз, угол подъема латентности особенно велик, а там, где зарегистрированная преступность резко идет вверх, угол подъема латентности уменьшается» [13, с. 9].

Давайте проверим, существует ли связь между зарегистрированной преступностью и латентной преступностью (рассчитанной НИИ ГП).

Таблица № 9

Годы	Зарегистрированная преступность [21]	Латентная преступность [13, с. 9]
2001	2 968 000	19 300 000
2002	2 526 000	20 500 000
2003	2 756 000	20 600 000
2004	2 893 000	20 500 000
2005	3 554 000	20 200 000
2006	3 855 000	20 400 000

Рассчитанный по указанным данным коэффициент корреляции составляет **0,008**.

Это означает, что между исследуемыми переменными связь отсутствует вообще.

А ведь на основании этой якобы существующей зависимости была выдвинута целая теория о фальсификации официальных данных зарегистрированной преступности.

Своё научное исследование НИИ ГП подытоживает следующим словами: «Думается, что мы почти на 100% использовали возможности современной науки и потенциал нашего исследовательского коллектива. Как говорили древние, мы сделали все, что могли. Кто может, пусть сделает лучше» [13, с. 20].

Что касается максимального использования потенциала исследовательского коллектива, то спорить не будем – раз НИИ ГП само говорит, что на большее этот коллектив не способен. А вот утверждению о 100% использовании НИИ ГП возможностей современной науки суждено перейти в разряд «утраченных иллюзий» [3].

Следующая часть статьи будет посвящена как раз вопросу о том, как сделать лучше.

Закон «постоянных соотношений» Адольфа Кетле.

Адольф Кетлэ (22 февраля 1796, Гент — 17 февраля 1874, Брюссель) — бельгийский математик, астроном, метеоролог, социолог. Один из родоначальников научной статистики. Он сыграл особую роль в становлении и развитии криминологии, не обойдя своим вниманием в числе прочего и латентную преступность. К сожалению, разработать механизм измерения латентной преступности А. Кетле не смог или просто не успел ввиду широкого спектра своих научных интересов, но он ближе всех подобрался к разрешению этой загадки.

Так А. Кетле предполагал, что существует почти неизменное соотношение между преступлениями зарегистрированными и судимыми и всей нам неизвестной суммой совершенных преступлений [16].

Соотношение – мера относительной величины двух количеств или двух чисел одного рода (предметами, действиями, явлениями, свойствами (признаками), понятиями, объектами, например, людьми, чайными ложками, единицами чего-либо одинаковой размерности). Соотношение записывается в виде дробочия. Например, если в классе 10 девочек и 20 мальчиков, то соотношение девочек к мальчикам есть 20:10 или 2:1. Соотношения могут быть записаны в виде дробей или процентов.

Таким образом, А. Кетле предполагал, что зарегистрированные преступления, судимые преступления и фактические преступления (с учетом латентных) должны почти неизменным образом соотноситься между собой. То есть Кетле хотел найти своего рода число подобное числу π , только для преступности. В современной уголовной статистике ближе всего к понятию судимые преступления является понятие – раскрытые преступления.

Проверка этого предположения дает следующие результаты.

1. Найти соотношение судимых преступлений и фактических преступлений или соотношение зарегистрированных преступлений и фактических преступлений невозможно, поскольку для этого нужно уметь измерять латентную преступность. Т.е. сначала нужно научиться считать латентную преступность, а уже потом вычислять соотношение зарегистрированных преступлений и фактических преступлений (зарегистрированные + латентные), а не наоборот.

2. Соотношение между зарегистрированными преступлениями и судимыми преступлениями вычислить можно, но никакой неизменной величины или даже почти неизменной величины мы не получим – результат для каждого года (отчетного периода) всегда будет разный.

На это обратили внимание криминологи, например, Г. Шнайдер пишет: «Прошло немало времени, прежде чем «закон постоянных соотношений» был признан ложным [39, с. 125]». Но даже если бы соотношение между зарегистрированными преступлениями и судимыми преступлениями было постоянным, что это дало бы исследователю в плане измерения латентной преступности?

С числом π всё понятно – с его помощью можно вычислить длину окружности, зная её диаметр или можно вычислить диаметр, зная длину окружности.

$\pi = \frac{C}{d}$, где C – длина окружности, а d – диаметр окружности, следовательно $C = \pi d$,
 $d = \frac{C}{\pi}$.

Следовательно, найдя неизменное соотношение зарегистрированных и судимых преступлений, мы смогли бы вычислять зарегистрированные преступления через судимые, а судимые преступления через зарегистрированные. Но в измерении латентной преступности это нам бы никак не помогло.

А. Кетле хотелось, чтобы с преступностью всё было также просто и понятно как с окружностью и диаметром, но здесь дело обстоит немного сложнее.

Многое в мире – величины переменные (в том числе и преступность), задача науки – устанавливать неизменные законы и устойчивые закономерности, по которым изменяются эти переменные величины. Если вы не сумели установить это самое правило, по которому изменяется переменная, то это не значит, что этого правила нет вовсе. Это значит, что вы или кто-то другой его пока не установили.

Если бы А. Кетле не фокусировался на поиске именно неизменного соотношения, некой константы... Если бы Кетле догадался, что искать нужно не неизменное соотношение переменных, характеризующих преступность, а неизменное правило, по которому эти переменные изменяются... Если бы А. Кетле догадался, какие именно переменные, и каким образом нужно «увязать» между собой, чтобы получить величину, характеризующую латентную преступность...

«Ах если бы, ах если бы – не жизнь была, а песня бы» ещё в 19 веке.

Но, к сожалению, в 19, как и в 20 веке, этот вопрос оставался неразрешенным.

А. Кетле отмечал, что «это отношение необходимо, и повторяю, если бы оно не существовало в действительности, то всё до сих пор установленное на основании данных уголовной статистики было бы ложным и бессмысленным. Понятно, насколько важно установить подобное соотношение, и приходится только удивляться, что ему не уделяется должного внимания [16]».

Одну лишь поправку внесло время в это утверждение – нам необходимо не постоянное отношение переменных, а постоянное правило, по которому изменяются эти переменные. До недавнего времени этому вопросу действительно не уделялось должного внимания. Но всё изменилось в 2019 году.

Мультипликатор латентности профессора С.Г. Олькова [24, с. 4-14].

Сразу отметим один интересный момент. Профессор С.Г. Ольков, проводил свои исследования в области латентности абсолютно обособленно от идей А. Кетле. Собственно говоря, С.Г. Ольков, возможно, к своему стыду, и не слышал про закон постоянных соотношений Кетле до момента прочтения этой статьи. Хотя скорее к радости, ведь эта осведомленность могла повести его по ложному пути. Определенная схожесть взглядов А. Кетле и С.Г. Олькова в вопросе измерения криминальной латентности была подмечена автором этих строк.

Эта схожесть взглядов А. Кетле и проф. С.Г. Олькова на наш взгляд заключалась в том, что должна быть некая связь между зарегистрированной преступностью и фактической преступностью (зарегистрированная + латентная).

Принципиальная же разница вкладов двух ученых состоит в том, что А. Кетле высказал лишь предположение о возможности существования соотношения

зарегистрированной и фактической преступности, а профессор С.Г. Ольков это соотношение установил, математически точно описал, и апробировал на эмпирических данных.

Профессора С.Г. Олькова проблема латентной преступности, вообще говоря, интересовала меньше всего, но так случилось, что он разрабатывал теорию политических режимов [25, с. 57-74], а там есть переменная, характеризующая общественное насилие – это и есть, в сущности, мультипликатор латентности. То есть сначала проф. С.Г. Ольков разработал теорию политических режимов, а уже из этой теории плавно «выплыл» мультипликатор латентности.

Основные научные результаты, полученные проф. С.Г. Ольковым в ходе его научных изысканий в области криминальной латентности: 1. Основное криминологическое тождество; 2. Мультипликатор латентности.

Оба этих результата представляют собой универсальный инструментальный измерения латентной преступности, которые не имеют пространственных и временных границ. Почти как у Булгакова: «мы пойдем сейчас через пространство вовеки...». Наверное, вы посмеетесь, и ответите: «Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции» [5]». А еще возразите, что юриспруденция имеет жесткую привязку к национальному законодательству, и что «русскому – хорошо, то немцу – смерть». Но, оказывается, что юриспруденция не такая уж и «крепостная крестьянка», прикрепленная барином к строго очерченному наделу земли. С приходом в юриспруденцию точной научной методологии, с использованием математического аппарата, становится очевидным универсальность законов (не в юридическом, а скорее в физическом смысле) подчиняющих себе правоотношения. Сейчас на примере измерения латентной преступности мы разберем с вами один из таких универсальных «юридических» законов.

Так проф. С.Г. Ольков отмечает, что число зарегистрированных преступлений есть по существу выборочная сумма преступлений относительно генеральной их совокупности (от лат. *generis* – общий, родовой). Следовательно, формально логически генеральная совокупность не может быть меньше выборки, и превышает её на величину латентной части преступности. Напомним, что латентной является та часть преступности, которая по соответствующим причинам, исследуемым в криминологической литературе, не попала в официальную статистическую отчетность [24, с. 4-14]».

Основное криминологическое тождество С.Г. Олькова:

$C = R + L$ (№1), где C – показатель запаса – абсолютное число совершенных на территории S за время Δt преступлений (приобретенных товаров преступлений); R – абсолютное число зарегистрированных преступлений на той же территории за то же время; L – абсолютное число латентных (незарегистрированных) преступлений на той же территории за то же время.

Вроде бы всё просто, даже слишком просто, если не сказать – очевидно. Но вот этой коротенькой формулой из трех переменных прекращаются многолетние криминологические дискуссии о понятиях фактической, зарегистрированной и латентной преступности. Вот оно понятие, выраженное максимально точно и ясно в виде формулы.

Мультипликатор латентности С.Г. Олькова: $\beta = \frac{R}{W}$, где β - мультипликатор

латентности, R – число зарегистрированных преступлений, W – число физических лиц, осужденных за совершение преступлений.

Вводя этот мультипликатор проф. С.Г. Ольков делает реалистичное допущение о том, что ВЧП (валовое число преступлений) зависит от числа действующих на

данной территории S в данный период Δt преступников, число последних нам точно неизвестно. Реалистичное – это очень мягко говоря, это и допущением то назвать можно с трудом, скорее очевидным фактом – преступление без преступника вряд ли возможно.

Вот тут еще одно принципиальное отличие от А. Кетле, который пытался найти неизменное соотношение между двумя видами преступлений – зарегистрированными и судимыми (которое как мы уже писали никакой пользы для измерения латентности не несет), про количество преступников речь вообще не шла.

Ясно, что $\beta = 1$ тогда и только тогда, когда за каждое зарегистрированное преступление осуждено ровно одно физическое лицо: $R = W$. Если $R > 1$, то и $\beta > 1$, что свидетельствует в пользу того, что на свободе остались активно действующие преступники еще не осужденные за совершенные ими преступления, и продолжают заниматься преступной деятельностью, увеличивая массив преступлений, которые как попадают в статистическую отчетность, так и остаются латентными.

Понятно, что преступления могут совершаться и группами, то есть одно преступление совершают несколько человек, но и одно лицо может совершить несколько преступлений, поэтому число осужденных и число зарегистрированных преступлений в среднем взаимно уравниваются, и можно говорить, что в среднем идеальное соотношение числа зарегистрированных преступлений к числу осужденных равно единице, откуда ВЧП:

$C = \beta R = 1 \cdot R = R$. Однако в реальности число осужденных всегда меньше числа зарегистрированных преступлений: $W < R$, а, следовательно, $\beta > 1$.

Поскольку $C = \beta R$, а $\beta = \frac{R}{W}$, то $C = \frac{R}{W} R \Rightarrow C = \frac{R^2}{W}$, откуда $R = \sqrt{CW}$.

Из основного криминологического тождества легко получить формулу для числа латентных преступлений:

$$L = \frac{R^2 - RW}{W}, \text{ поскольку: } L = C - R, \text{ откуда } L = \frac{R^2}{W} - R \Rightarrow L = \frac{R^2 - RW}{W}.$$

Наверное, в этом месте у вас возникли вопросы типа: откуда взялся этот мультипликатор латентности β ? Как так получилось, что ВЧП было $C = R + L$, а

стало $C = \beta R$? Неужели это всё появилось только из «реалистичных допущений»

С.Г. Олькова? Отнюдь. Для самых любознательных расписываем подробно алгоритм получения итоговых формул.

Обратим внимание, что в записи $C = R + L$ мы явно полагаем, что коэффициенты при переменных в правой части функции равны единицам, но в общем случае это не так, поскольку $C = f(R, L)$. Положим, что ВЧП выражается через переменные в правой части уравнения линейно: $C = \beta_1 R + \beta_2 L$ (№1.1), где параметры при переменных бета один и бета два произвольные положительные числа, откуда латентное число преступлений: $L = \frac{C - \beta_1 R}{\beta_2}$. Очевидно, что $L = C - R$ только тогда, когда $\beta_1 = \beta_2 = 1$, и только в этом случае частные производные функции №1.1 равны единице: $\frac{\partial C}{\partial R} = 1$; $\frac{\partial C}{\partial L} = 1$. В общем же виде: $\frac{\partial C}{\partial R} = \beta_1$; $\frac{\partial C}{\partial L} = \beta_2$, которые отвечают на вопрос, насколько в абсолютном выражении изменяется валовой показатель преступности при изменении на единицу измерения

соответственно, либо числа зарегистрированных, либо латентных преступлений при фиксированном значении либо переменной R , либо переменной L .

Преступность, как и её структурные составляющие – это величина запаса, то есть определяется за какой-то произвольный период времени. Валовое число преступлений (ВЧП) можно выразить в долях от составляющих относительно ВЧП: $C = \alpha C + (1 - \alpha)C$, где $R = \alpha C$, $L = (1 - \alpha)C$ (№2).

Абсолютное число зарегистрированных преступлений нам всегда точно известно на определенную дату, поскольку организован соответствующий статистический учёт, но нам неизвестно число латентных преступлений, а, следовательно, и валовое число совершенных преступлений.

Поскольку ВЧП или ВПП (валовой показатель преступности) является функцией от образующих его переменных: $C = f(R, L) \Rightarrow C = R + L$, постольку с учетом формулы №2 ВЧП можно выразить, как линейную функцию от известной нам переменной R , получив аппроксимирующую линейную зависимость: $C = \beta R$, где β – эмпирический мультипликатор латентности, учитывающий скорость изменения латентной преступности: $\beta = \beta_1 + \beta_2$, показывающий, насколько в абсолютном выражении изменяется ВЧП при изменении числа регистрируемых преступлений на единицу – одно зарегистрированное преступление. Очевидно, $\beta \geq 1$. Если $\beta = 1$, то $C = R$, а $L = 0$. То есть ВЧП равен числу зарегистрированных преступлений, а латентная преступность отсутствует: $C = R + L = R + 0 = R$, что имеет чисто теоретическое значение.

Поскольку $C = \beta R = \frac{R}{w} R \Rightarrow C = \frac{R^2}{w}$, откуда $R = \sqrt{CW}$.

Из основного криминологического тождества легко получить формулу для числа латентных преступлений: $L = \frac{R^2 - RW}{w}$, поскольку: $L = C - R$, откуда

$$L = \frac{R^2}{w} - R \Rightarrow L = \frac{R^2 - RW}{w}.$$

Предвосхищаем появление возможных замечаний критической направленности вида: При расчете мультипликатора латентности β лучше учитывать не просто

осужденных лиц, а лиц осужденных к лишению свободы. Ведь лицо, не осужденное к лишению свободы, не лишено абсолютно возможности к совершению новых преступлений.

Отвечаем: такой вариант расчета мультипликатора латентности недопустим, и его применение приведет к необоснованному многократному увеличению показателя криминальной латентности. Его применение возможно только в том случае, если мы допускаем, что все остальные виды наказания, кроме лишения свободы, не оказывают вообще никакого сдерживающего влияния ни на одного преступника. Но это противоречит закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний (ЗВППУН) [26, с. 14-31] и попросту не соответствует действительности. Волей не волей сдерживающий эффект всё равно присутствует – преступник всё равно находится под наблюдением, пусть не 24 ч. в сутки, но всё же.

В противном случае мы получили бы просто астрономические цифры латентных преступлений, приведенные ниже в таблице. Например, в 2006 году мы получили бы **43 706 371** только латентных преступлений или 47 561 744 фактических преступлений. В 2006 году население России составляло 143 200 000[34], а население старше 15 лет составляло 121 719 000. Следовательно, каждый третий (143 200 000 / 47 561 744 = 3) или почти каждый второй (121 719 000 / 47 561 744 =

2,5) гражданин Российской Федерации **каждый год совершает преступление**, что не соответствует действительности. Иначе правоохранительная система просто не справилась бы с таким объемом преступности.

Криминологи очень любят говорить, что все люди в течение своей жизни совершают то или иное преступление, в подтверждение обычно приводятся данные социологических опросов. Но здесь речь идет не о том, что каждый второй гражданин РФ **раз в жизни** совершил преступление, а том, что каждый второй гражданин РФ **каждый год регулярно** совершает как минимум одно преступление.

Таблица № 10

	Всего зарегистрировано преступлений[21]	Всего осуждено[31]	Осуждено к пожизненному лишению свободы и реальному лишению свободы на определенный срок[31]	Число латентных преступлений, рассчитанное с учетом:	
				всех осужденных	осужденных к реальному лишению свободы
2003	2 756 398	773 920	252 134	7 060 805	27 377 300
2004	2 893 810	793 918	257 373	7 654 051	29 643 155
2005	3 554 738	878 893	306 905	10 822 623	37 618 140
2006	3 855 373	909 921	312 518	12 480 002	43 706 371
2007	3 582 541	916 566	301 496	10 420 379	38 987 178
2008	3 209 862	925 166	312 204	7 926 749	29 791 682
2009	2 994 820	892 360	289 275	7 055 997	28 010 095
2010	2 628 799	845 071	265 909	5 548 720	23 359 732
2011	2 404 807	782 274	227 114	4 987 867	23 058 602
2012	2 302 168	739 278	206 320	4 866 958	23 385 974
2013	2 206 249	735 340	209 795	4 413 185	20 995 136
2014	2 190 578	719 297	209 515	4 480 702	20 712 947
2015	2 388 476	734 581	211 486	5 377 608	24 586 442
2016	2 160 063	741 329	206 466	4 133 866	20 438 680
2017	2 058 476	697 054	200 290	4 020 427	19 097 465
2018	1 991 532	658 291	190 393	4 033 463	18 840 115

1. При расчете мультипликатора латентности β вместо осужденных лиц лучше

учитывать раскрытые преступления.

Отвечаем: не то что не лучше, а в корне не верно. Ведь раскрытое преступление далеко не всегда означает осуждение лица его совершившего. Дело может быть раскрыто, а преступник остается на свободе. Это очень хорошо видно из статистических данных: раскрытых дел всегда больше чем осужденных лиц. Поэтому использование для расчета

мультипликатора латентности β числа раскрытых дел, вместо осужденных лиц приведет необоснованному существенному занижению показателя латентных преступлений.

2. При расчете мультипликатора латентности β вместо осужденных лиц лучше

учитывать число выявленных лиц или число лиц, в отношении которых судами рассмотрены уголовные дела.

Отвечаем: это также приведет к искажению реальной картины криминальной латентности, т.к. указанные категории лиц включают в себя том числе: оправданных лиц; лиц, дела, в отношении которых прекращены по реабилитирующим основаниям (за отсутствием состава, события, непричастности к преступлению); осужденных лиц; лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены, применены принудительные меры к невменяемым.

Эмпирическая апробация мультипликатора латентности проф. С.Г. Олькова.

Обратимся к эмпирическим данным – возьмём число зарегистрированных преступлений и число осужденных за 1970 год. В 1970 году в РСФСР было зарегистрировано 693 552 преступления, и осуждено за их совершение 554589 человек. Мультипликатор латентности:

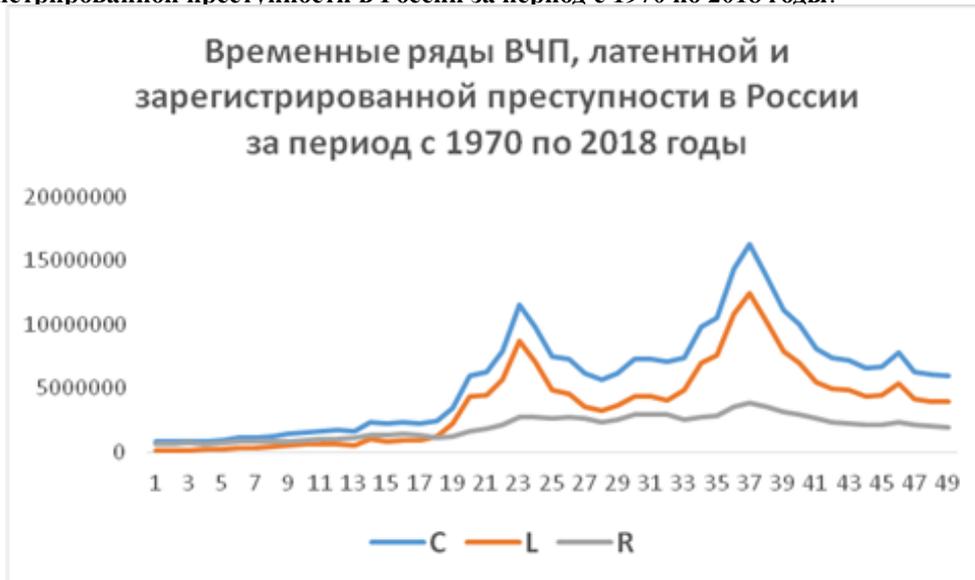
$\beta_{1970} = \frac{693552}{554589} = 1,25$, откуда ВЧП: $C_{1970} = 1,25 \cdot 693552 = 866940$ преступлений; число латентных преступлений определим из основного криминологического тождества:

$L_{1970} = C - R = 866940 - 693552 = 173388$ преступлений или в процентном выражении:

$L_{1970} = \frac{173388}{866940} \cdot 100 = 20\%$ от ВЧП и $\frac{173388}{693552} \cdot 100 = 25\%$ от числа зарегистрированных.

Проведенные проф. С.Г. Ольковым эмпирические испытания его мультипликатора латентности дали очень хорошие результаты. Динамика временных рядов (с 1970 по 2018 годы) латентной и зарегистрированной преступности очень хорошо согласуется с историческими событиями нашей Родины.

Рис. №1. Временные ряды валового показателя преступности, латентной и зарегистрированной преступности в России за период с 1970 по 2018 годы.

Из таблицы и графика наглядно видно, что максимальный уровень преступности в России имел место в 2006 году и составил 16335752 преступления, что было вызвано наличием высокого значения мультипликатора латентности $\beta_{2006} = 4,24$.

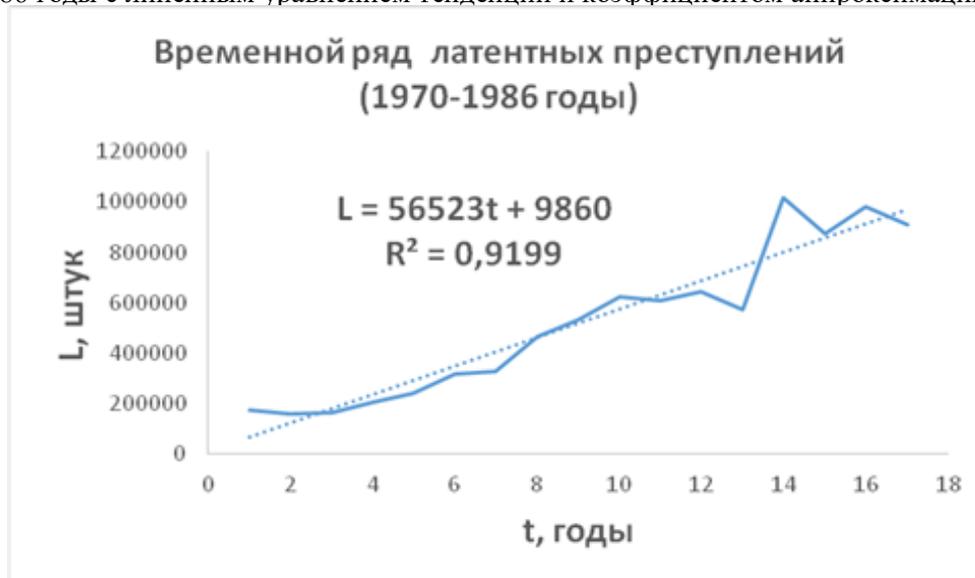
Рис. №2. Временные ряды латентной и зарегистрированной преступности в России за период с 1970 по 2018 годы.

Видно, что в советский период с 1970 по 1986 годы уровень латентной преступности был ниже, чем уровень зарегистрированных преступлений, и положительный тренд был несильно выражен, а с 1987 года начался бурный рост латентной преступности, связанный с выходом социальной системы «Россия» из состояния равновесия.

Уравнение тренда латентной преступности за период с 1970 по 1986 годы: $L = 9860 + 56523t$ (коэффициент аппроксимации $R^2 = 0,92$).

Рис. №3. Временной ряд латентных преступлений в России за период с 1970 по 1986 годы с линейным уравнением тенденции и коэффициентом аппроксимации

Из уравнения тенденции следует, что в среднем ежегодно число латентных преступлений росло в России от начала отсчета со скоростью 56523 штуки в год. Однако, судя по динамике латентной преступности, социальная система «Россия»

еще не находилась в зоне турбулентности, в которую начала входить с 1987 года, когда уровень латентной преступности стал превышать уровень зарегистрированной преступности.

Рис. №4. Временной ряд латентной преступности в России за период с 1987 по 2018 годы с линейным трендом и коэффициентом аппроксимации.

Из графика временного ряда наглядно видно, что социальная система «Россия» вышла из состояния равновесия. Коэффициент аппроксимации линейной функцией ухудшился по сравнению с периодом от 1970 до 1986 года в 26,5 раза: $\frac{0,9199}{0,0347} = 25,6$. Отчетливо видно, что латентная преступность стала испытывать значительные колебания с сохранением несильного положительного тренда.

Таким образом, зная число зарегистрированных преступлений и число осужденных, мы можем легко и просто посчитать уровень латентной преступности в любом государстве за любой период времени, вне зависимости от особенностей действующего законодательства.

Вот они наши «рыбки в пруду», наша «подводная часть айсберга», наше «тёмное число», выхваченное ярким лучом математики из гуманитарного мракобесия.

И не нужно дорогостоящих, трудоёмких и длительных исследований, которые сводятся, по существу, к социологическому опросу, и могут дать нам лишь сомнительные данные о латентности только за прошедший период. Причем каждый раз придется снова и снова считать латентные преступления вручную (буквально поштучно).

Давайте же не будем вылавливать каждый раз всю рыбу из пруда, чтобы её посчитать, а воспользуемся методом двойного отлова.

Давайте же не будем на глаз оценивать величину подводной части айсберга или устанавливать её эмпирическим путём (пожалеем водолазов), а воспользуемся имеющейся формулой для ее расчета.

Давайте же не будем каждый раз вручную считать все преступления, а воспользуемся имеющимся уже современным научным инструментарием для измерения латентной преступности – мультипликатором латентности проф. С.Г. Олькова.

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология. — 2-е изд. — М., 1984. — С. 177.
2. Алексеев А. И., Роша А. Н. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19;
3. де Бальзак О. Утраченные иллюзии О. де Бальзак — «Эксмо», 1837-43.
4. Булатов Г., Майоров Н. Показательность данных головной статистики // Вестник МГУ. Право. 1969. 3. С. 59;
5. Булгаков М.А. Иван Васильевич / М.А. Булгаков — «наследники Булгакова М.», 1965
6. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973.
7. Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность. М., 1995;
8. География. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. 2006. Под редакцией проф. А. П. Горкина.
9. Единая межведомственная информационно-статистическая система ЕМИСС. Официальный сайт: <https://www.fedstat.ru>
10. Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал министерства внутренних дел. — 1853. Ч. 41. — С. 258
11. Иншаков С.М. Зарегистрированная и фактическая преступность в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2007. - № 1(1). — С. 42-45.
12. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - № 1(16). — 2009. — С. 107-130.
13. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под редакцией С.М. Иншакова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 839с.
14. Кардополова Ю.Ф. Преступность стран мира: уровень, динамика, структура преступности и осужденных: Стат. Сб. 3-е изд., исп. и доп. / Под общ. ред. Ю.Ф. Кардополова / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2002. 306 с.
15. Камин А.Л. Физика. Развивающее обучение. Книга для учителей. 7-й класс. — Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2003. — 352с.
16. Кетле А. Социальная форма или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Т. II. Киев, 1913. С. 193.
17. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / Под редакцией К.К. Горяинова. — М.: Норма, 2008. — 272 с.
18. Конев А. А. Преступность в России и ее реальное состояние. Н. Новгород, 1993;
19. Крылов И.А. Басни / Издательское предприятие «МИША». — 1991г.
20. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 912 с. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://mvd.ru/folder/101762>
21. Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли// Российский криминологический взгляд. — 2007. - №2. - С. 117-127.
22. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции) Часть I-III/Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2013.
23. Ольков С.Г. Основное криминологическое тождество, измерение латентной преступности в мире и России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. - № 4. — 2019. — С. 4-14.
24. Ольков С.Г. Математические начала теории политических режимов с практическими приложениями по России за период с 1970 по 2017 годы //Публичное и частное право, 2019, №1. С. 57-74.
25. Ольков С.Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2017. - № 3. — С. 14-31.
26. Панкратов В. В. Косвенные методы изучения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. С. 7.
27. Сно К.К. Управленческая экономика: Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 671с.
28. Сигел Э. Практическая бизнес-статистика. : Пер. с англ. — М. : Издательский дом «Вильямс», 2002. — 1056 с.
29. Сошникова Л.А. Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шерф М. Многомерный статистический анализ в экономике : Учеб. пособие для вузов/Под ред. проф. В.Н. Тамашевича. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.- 598с.
30. Судебный департамент при Верховном суд РФ. Официальный сайт. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>
31. Танасевич В. Г., Шрага И. Л., Орлов Я. В. Проблемы выявления хищений социалистического имущества // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23. С. 48-50.
32. Тюрин Ю.Н. Теория вероятностей и статистика. Экспериментальное учебное пособие для 10 и 11 классов общеобразовательных учреждений / Ю.Н. Тюрин, А.А. Макаров, И.Р. Высоцкий, И.В. Ященко. — М.: МЦНМО, 2014. — 248 с.
33. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.08.2020г.)

34. Чехов А.П. Письмо к ученому соседу. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 1. М., "Наука", 1983.
35. Шведский национальный совет по предупреждению преступности (официальный сайт) URL: <https://www.bra.se/bra-in-english/home/crime-and-statistics/crime-statistics/reported-offences.html>
36. Шели Дж. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.
37. Шляпочников А. С., Забрянский Г. И. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 99
38. Шнайдер Г.И. Криминология: Пер. с нем./Под общ.ред. и с преисл. Л.О. Иванова.-М.: Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1994.-504с.
39. Эверитт Б.С. Большой словарь по статистике / науч. ред. перевода И.И. Елисеева. 3-е издание. – Москва : Проспект, 2010. – 736 с.

Olkova O. A. Accurate measurement of latent crime. The answer of professor S.G. Olkov to Adolphe Quetelet / O. A. Olkova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – P. 375-432.

The purpose of the article is to investigate pre-modern and modern approaches to measuring latent crime in Russia and the world; to present a critical review of research on latent crime by large research teams that studied latent crime in the early 21st century in the Russian Federation; to show the role and significance of the latency multiplier and the main criminological identity developed by professor S.G. Olkov.

Keywords: exact jurisprudence, criminology, latent crime, latency multiplier, basic criminological identity, convicted, registered crimes, latent crimes, gross number of crimes, actual crime, crime coefficient, coefficient of criminogenic involvement.

Spisok literatury

1. Avanesov G.A. Kriminologiya. — 2-e izd. — М., 1984. — S. 177.
2. Alekseev A. I., Roshina A. N. Latentnaya prestupnost' i effektivnost' deyatelnosti pravooxranitel'nykh organov // Voprosy bor'by s prestupnost'yu. М., 1973. Вып. 19;
3. de Bal'zak O. Utrachennye illyuzii O. de Bal'zak — «E'ksmo», 1837-43.
4. Bulatov G., Majorov N. Pokazatel'nost' dannykh golovnoj statistiki // Vestnik MGU. Pravo. 1969. S. 59.
5. Bulgakov M.A. Ivan Vasil'evich / M.A. Bulgakov — «nasledniki Bulgakova M.», 1965
6. Vicin S.E. Modelirovanie v kriminologii. М., 1973.
7. Goryainov K. K., Isichenko A. P., Kondratyuk L. V. Latentnaya prestupnost'. М., 1995;
8. Geografiya. Sovremennaya illyustrirovannaya enciklopediya. — М.: Rosme'n. 2006. Pod redakciej prof. A. P. Gorkina.
9. Edinaya mezhdovomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema EMISS. Oficial'nyj sajt: <https://www.fedstat.ru>
10. Zaxarevich F. Opyt' yuridicheskoy statistiki // Zhurnal ministerstva vnutrennix del. — 1853. Ch. 41.
11. Inshakov S.M. Zaregistrovannaya i fakticheskaya prestupnost' v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii General'noj prokuratury RF. - 2007. - № 1(1). — S. 42-45.
12. Inshakov S.M. Latentnaya prestupnost' kak ob'ekt issledovaniya // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. - № 1(16). — 2009. — S. 107-130.
13. Inshakov S.M. Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoj prestupnosti: monografiya / pod redakciej S.M. Inshakova. — М.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. — 839s.
14. Kardopolova Yu.F. Prestupnost' stran mira: uroven', dinamika, struktura prestupnosti i osuzhdennykh: Stat. Sb. 3-e izd., isp. i dop. / Pod obshh. red. Yu.F. Kardopolova / Krasnoyarsk. gos. un-t. Krasnoyarsk, 2002. 306 s.
15. Kamin A.L. Fizika. Razvivayushhee obuchenie. Kniga dlya uchitelej. 7-j klass. — Rostov n/D: izd-vo «Feniks», 2003. — 352 s.
16. Kettle A. Social'naya forma ili opyt' issledovaniya o razvitii chelovecheskix sposobnostej. T. II. Kiev, 1913. S. 193.
17. Kondratyuk L.V., Ovchinskij V.S. Kriminologicheskoe izmerenie / Pod redakciej K.K. Goryainova. — М.: Norma, 2008. — 272s.
18. Konev A. A. Prestupnost' v Rossii i ee real'noe sostoyanie. N. Novgorod, 1993;
19. Krylov I.A. Basni / Izdatel'skoe predpriyatie «MISHA». — 1991g.
20. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovy'e, regional'ny'e i rossijskie tendencii / V.V. Luneev. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — М.: Volters Kluver, 2005. — 912s. (str. 51)
21. Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt. URL: <https://mvd.ru/folder/101762>
22. Ol'kov S.G. Otkrovennyj razgovor o yuridicheskoy nauke: znachenie i nedostatki otrasli // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. — 2007. - №2. - S. 117-127.
23. Ol'kov S.G. Analiticheskaya yurisprudenciya (metodologiya yurisprudencii) Chast' I-II/Moskva: Izdatel'stvo «YurLitinform», 2013.
24. Ol'kov S.G. Osnovnoe kriminologicheskoe tozhdestvo, izmerenie latentnoj prestupnosti v mire i Rossii // Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Ural'skij region. - № 4. — 2019. — S. 4-14.
25. Ol'kov S.G. Matematicheskie nachala teorii politicheskix rezhimov s prakticheskimi prilozheniyami po Rossii za period s 1970 po 2017 gody //Publichnoe i chastnoe pravo, 2019, №1. S. 57-74.
26. Ol'kov S.G. Dokazatel'stvo zakona vozrastayushhej predel'noj poleznosti ugolovnykh nakazanij i inversii sub'ekta v funkciyax sovopnoj i predel'noj poleznosti etix nakazanij. Zakony sprosya i predlozheniya prestupnosti // Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Ural'skij region. — 2017. - № 3. — S. 14-31.

27. Pankratov V. V. Kosvenny`e metody` izucheniya prestupnosti // Voprosy` bor`by` s prestupnost`yu. M., 1967. S. 7;
28. Sio K.K. Upravlencheskaya e`konomika: Per. s angl. – M.: INFRA-M, 2000.-671s.
29. Sigel E`. Prakticheskaya biznes-statistika. : Per. s angl. - M. : Izdatel`skij dom «Vil`yams», 2002. - 1056 s.
30. Soshnikova L.A. Tamashevich V.N., Uebe G., Sheref M. Mnogomernyj statisticheskij analiz v e`konomie: Ucheb. posobie dlya vuzov/Pod red. prof. V.N. Tamashevicha. - M.: YuNII-DANA, 1999.-598s.
31. Sudebny`j departament pri Verxovnom sud RF. Oficial`ny`j sajt. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>
32. Tanasevich V. G., Shraga I. L., Orlov Ya. V. Problemy` vy`yavleniya xishhenij socialisticheskogo imushhestva // Voprosy` bor`by` s prestupnost`yu. M., 1975. Vy`p. 23. S. 48-50.
33. Tyurin Yu.N. Teoriya veroyatnostej i statistika. E`ksperimental`noe uchebnoe posobie dlya 10 i 11 klassov obshheobrazovatel`ny`x uchrezhdenij / Yu.N. Tyurin, A.A. Makarov, I.R. Vy`soczkij, I.V. Yashhenko. – M.: MCzNMO, 2014. – 248s.
34. Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial`ny`j sajt. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (data obrashheniya: 05.08.2020g.)
35. Chexov A.P. Pis`mo k uchenomu sosedu. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomah. Sochineniya. Tom I. M., "Nauka", 1983.
36. Shvedskij nacional`ny`j sovet po preduprezhdeniyu prestupnosti (oficial`ny`j sajt) URL: <https://www.bra.se/bra-in-english/home/crime-and-statistics/crime-statistics/reported-offences.html>
37. Sheli Dzh. Kriminologiya / Pod red. Dzh. F. Sheli / Per. s angl. – SPb.: Piter, 2003. – 864 s.: il. – (Seriya «Mirovaya yurisprudenciya») (str.122)
38. Shlyapochnikov A. S., Zabryanskij G. I. Vy`yavlenie latentnoj prestupnosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. S. 99.
39. Shnajder G.J. Kriminologiya: Per. s nem./Pod obshh.red. i s preisl. L.O. Ivanova.-M.: Izdatel`skaya gruppa «Prigoress»-«Univers», 1994.-504s.
40. E`veritt B.S. Bol`shoj slovar` po statistike / nauch. red. perevoda I.I. Eliseeva. 3-e izdanie. – Moskva : Prospekt, 2010. – 736 s.